

Глава IX

БОЕВИКИ: ДОБЛЕСТЬ И МАРОДЕРСТВО

Дудаев мечтал о кавказской войне с Россией. Мне это было по нутру. Воевать мне нравилось. Конечно, это был риск, но ничего другого я не умел делать.

Шамиль А.

Масхадов обязан выполнить то, что должен как президент: объявить России войну. Мы должны начать против России войну за то, что она совершила против нас интервенцию.

Шамиль Басаев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕРСИЯ

12 декабря 1994 г., знакомясь с чеченцами, которые прибыли во Владикавказ для переговоров с делегацией от российской федеральной власти, я обратил внимание на то, как вызывающе иронично представился лидер антидудаевской группы, бывший мэр города Грозного Беслан Гантамиров. Он протянул руку и сказал: “Гантамиров – боевик”. Сложно восстановить момент, когда это слово вошло в постсоветский лексикон. Наверняка его появление связано с современными вооруженными конфликтами (Карабах, Абхазия, Таджикистан). В Чечне этим словом стали обозначать граждан, ведущих групповые вооруженные действия в составе незаконных парамилитарных формирований.

Со временем понятие “боевик” перестало быть политически и эмоционально нейтральным, особенно с утвердившейся в Чечне верой в состоявшуюся независимость, а значит, и в институты государства, включая армию. После августа 1996 г. чеченские боевики не захотели оставаться своего рода антиправовой категорией, поскольку правительство самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии (ЧРИ) учредило армию, систему воинских званий и другие атрибуты военной машины. Теперь даже за пределами Чечни употреб-

ление термина “боевик” вызывало недовольство у официального Грозного и приводило к таким курьезам, как, например, следующая смущенная “поправка” в “Общей газете” (22–28 июля 1999 г.): «В № 27 “ОГ” на странице 3 в подписи к фотографии агентства Рейтер с чеченской границы была допущена досадная ошибка. Вследствие неточного перевода с английского языка люди, запечатленные на снимке, названы “чеченскими боевиками”. На самом деле это – солдаты регулярной армии Ичкерии, которые несут службу по охране границы республики. Редакция приносит свои извинения чеченским пограничникам и автору снимка».

Поспешная политкорректность известного российского издания объясняется симпатией к чеченскому сепаратизму, которую часть отечественных СМИ демонстрировали на протяжении всей войны. Кстати, та же самая газета направила в Чечню в период военных действий 1994–1996 гг. своего корреспондента Надежду Чайкину, профессионально неподготовленную для такой работы молодую женщину романтико-авантюрного склада характера, которая в итоге заплатила за это своей жизнью¹. Нам понятно, что феномен журналистских симпатий и активного соучастия в чеченском сопротивлении гораздо сложнее, ибо позволяет утверждению “независимости СМИ” и дать волю почитаемой драме репортажа см. XVI.

Самая полная информация о чеченских вооруженных формированиях и их действиях вполне понятно имеется в распоряжении федеральных российских властей (МВД, МО, ФСБ), но она труднодоступна и мною не использовалась. Еще лучше осведомлены по этому вопросу сами чеченцы, особенно их военные лидеры. Аслан Масхадов даже выступал в США с лекцией об опыте боев в городских условиях. Но и этот источник был для меня практически недосягаем. В то же время о чеченских боевиках и их действиях написано много репортажей, песен и стихов, снято фото и видеопленки. Творцами этих образов были часто сами чеченцы, среди которых с начала конфликта нашлись те, кто снимал, и те, кто с гитарой слагал походные песни.

О боях в Грозном имеется несколько любительских видеопленок, которые широко продавались в Чечне и на рынке при московском ДК имени Горбунова. Также имеется около десятка аудиокассет с записью чеченских военных песен. Наиболее идеологически завершенным (просепаратистская версия) можно считать документальный фильм шведских журналистов “Преданные”, который даже получил престижную премию. Столь же закончен в своей противоположной идеологии фильм А. Невзорова “Чистилище”. Роман Джона ЛеКарре о Чечне никакого отношения к ней не имеет, как и дешевые поделки типа “Чеченский бумеранг” Валерия Барабашева, появившиеся на российском книжном рынке в 1995 г. в серии “Современный российский детектив”. В представлениях об этой войне безоговорочно доминируют литературно-журналистская и официально-пропагандистская трактовки чеченских боевиков. Они успешно путешествуют и в академических текстах.

Из доступного материала сложился коллективный образ чеченского воина – современного Робин Гуда, бесстрашного защитника своей родины, сильного и гуманного, хорошо знающего оружие и умеющего воевать. Этот образ лепился усилиями лидеров и профессиональных пропагандистов. Он безоговорочно оформился под влиянием военного поражения федеральных войск в Чечне в 1996 г. После вывода федеральных войск “победители” стали “героями войны”, представляющими настоящий “чеченский народ”, а все остальные – “слабаки”, “колеблющиеся, двурушники”, “агенты спецслужб”, “предатели народа” и тому подобные. В этом плане особенно примечательна книга Зелимхана Яндарбиева. Если вычесть всех заклеянных автором в предательстве или трусости чеченцев, среди сторонников независимости и войны мало кто остается. Зато собственный вклад в дело “чеченского сопротивления” автор описывает подробно, нравоучительно и безапелляционно в отношении всех других, кроме Дудаева, Масхадова и еще нескольких лидеров.

В книге Яндарбиева интерес представляет его взгляд на тех, кто вел войну с чеченской стороны и которых он называет “простые чеченские парни – великие воины независимости”. «А чеченский секрет был прост: чеченцы знали, за что они дерутся и умирают, а русские не могли этого знать, потому что их посылали на смерть за имперские и политические амбиции тяжело “больных” вождей. И вчерашний мирный чеченец оказывался “профессиональнее” российских военспецов»². Автор приводит несколько имен наиболее отличившихся командиров, некоторые из них присутствуют и в списке авторов наших историй. Это дало возможность сравнить версию идеолога с подлинным внутренним миром воюющих против федеральных сил чеченцев.

КАК СТАНОВИЛИСЬ БОЕВИКАМИ

Воюющая часть чеченцев состояла из “полевых командиров” и “боевиков” или рядовых бойцов. Кроме того, было еще одно разделение: на организованные силы во главе с подчинявшимися Дудаеву и Масхадову командирами и на так называемых индейцев или диких воинов, никому не подчинявшихся. Об организации чеченских вооруженных формирований и их делении на “фронты”, “армии” и “бригады” сообщалось неоднократно. Далекое не всем приводимым данным мне удалось найти подтверждение, как и найти типичных “робин гудов” – тех красавцев, опоясанных пулеметными лентами и в черных вязаных шапочках, которых изображали телекамеры зарубежных и некоторых российских журналистов. Чаще это были уставшие, глубоко травмированные люди, страдавшие от ранений и нуждавшиеся в лечении.

Первое и, возможно, самое важное, что удалось выяснить, это как и кто приходил в ряды боевиков и какова была их первичная организация. Несмотря на утверждения, что “горцы всегда были с оружием”, “советские горцы”, т.е. жители ЧИАССР, оружием до 1991 г. не располагали. Даже еще в первые дни массовых выступлений в связи с работой Общенационального конгресса чеченского народа чеченцы не брали в руки оружие, хотя, возможно, некоторые пытались его приобрести и даже тайно делали это. Но нет данных о том, что такое стремление охватило массы, если не считать холодное оружие – нож или кинжал. По свидетельству Д. Гакаева, оружие в руках чеченцев оказалось с появлением Дудаева уже на втором съезде ОКЧН в июне 1991 г. Первых молодых людей с автоматами можно было увидеть на площади в Грозном в сентябре 1991 г. Как свидетельствовал руководитель местного ФСБ И.В. Кочубей, “мы могли легко арестовать всех этих пареньков, которые и сами-то ожидали, как власть будет реагировать. Но нам не было указаний наводить порядок и вмешиваться в происходящие демонстрации”³. Вооруженные организованные группы открыто появились в Грозном в связи с реакцией на указ Президента РФ о введении в в ноябре на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения.

Меня интересует влияние динамики событий на поведение их участников в момент, когда происходит массовый выход граждан из правового пространства и начинается открытое насилие. Все это потом называется “мятежом” или “революцией” в зависимости от результата. Ведущими факторами становятся коллективно разделяемые эмоции, упрощенный выбор (“за” или “против”) и солидарные действия, при которых у каждого индивида больше уверенности и меньше личной ответственности. На эти действия идет определенная категория людей, которую потом апологеты называют “народ”. Яндарбиев так описывает ситуацию первичного вооружения и открытого сопротивления:

«Помню те дни достаточно ясно, чтобы постараться передать их героический пафос. Это были дни, когда народ еще не вышел из постпутчевского (ГКЧП) накала страстей, которые за период предвыборной борьбы обрели закономерный характер, а после избрания Джохара Президентом трансформировались в стабильный общественный настрой. И патриотический энтузиазм, и гражданский пафос, и революционный дух, и авантюризм, и собственнический эгоизм, и альтруизм, и еще многое другое сплелось во времени и характере людей. И не было никакой возможности ни расчленить их, ни привести в систему. Не было других критериев оценки, кроме как “за” или “против”. Единственное, что можно было делать – это наблюдать, воспринимать или отрицать, участвовать или не участвовать во всем этом. Люди, в большинстве своем, так и делали. Пытающихся понять и постигнуть было мало. Такие появятся позже. Но в большинстве лицемерящие. И только в начале появятся среди них те, кто действительно во всем объеме постигнет суть всего происходящего и осознанно, чтобы и на волю»

синку не поступиться честью и достоинством нации, пойдет на смерть под знаменем независимости и с Аллахом в сердце. А тогда, в первые дни независимости, были только пафос и настрой, но способные смести любые преграды на пути. Они побеждали, подминая робость, сомнение, философствование, как водится испокон веков в такие эпохи и времена»⁴.

Яндарбиев считает, что Дудаев и он понимали, что движет людьми, и эффективно это использовали. А “направляемые умелой рукой Кремля – КГБ силы реакции” такого преимущества не имели. Были еще многочисленные примкнувшие к народу, которые, как писал Яндарбиев, “просто присутствовали при народе, и это хорошо”⁵. Только за чеченским сопротивлением было преимущество исторической правоты, как полагают чеченские идеологи.

«Этот процесс уже невозможно было остановить, даже если вся многомиллионная имперская армия обрушится на чеченский народ... Это был закономерный момент в развитии процесса национального возрождения... Но не все готовы и способны были истинно философски и психологически осмыслить ситуацию. Более всех и те, кто мыслил себя интеллектуальной элитой нации и тем не менее, не нашел лучшего применения своему интеллекту, кроме как трусливого созерцания событий, вместо того, чтобы быть в передовых рядах, или демократически-демагогических пророссийских панических словопрений – публично и за глаза. Но в настоящей ситуации это было не существенно, ибо народ и без их “интеллекта” знал, что ему делать, и это знание было обретено многостолетним опытом самоотверженной борьбы наших отцов за независимость, и прежде всего с Российской империей. Этот опыт просыпался в крови чеченца, поднимая дух на битву»⁶.

Подобных оценок, только с меньшим употреблением слов “народ” и “закономерность”, имеется большое число, в том числе и в претендующих на академические тексты публикациях⁷.

НАЧАЛО МОБИЛИЗАЦИИ

Начальная организация и вооружение групп чеченцев в Грозном произошли 8 ноября 1991 г. после выступления накануне Яндарбиева по местному телевидению и радио с призывом собраться на митинг, чтобы “решить проблему МВД”. С утра “народ двинулся на осаду главного бастиона независимости”. Впереди, кстати, шел Мехк-кхел с муфтием Сайд-Ахмад Адизовым во главе. Глава Совета старейшин ворвался в кабинет министра внутренних дел и пригрозил взорвать присутствовавших гранатами (показал при этом Ф-1), если начнутся силовые действия.

“Со всех сторон, на машинах и пешком, в Грозный непрерывно шли и шли вереницы людей, с оружием и без него, но готовые драться за свободу. Люди прибывали, организовывались на месте в отряды. На площади Свободы регистрировали – из какого села, сколько человек, кто командир”⁸.

Вооруженные группы или отряды ополчения с самого начала и фактически до конца войны складывались по территориальному принципу. Это очень важное обстоятельство. Особые тейповые связи и основанные на них солидарность и обязательства в эти критические моменты мною не были установлены*. Выходцы из одного села – вот основа наиболее действенной группы, в том числе и в демонстрации боевых способностей. Здесь были важны личное знание друг друга и доверие, возможность общаться с родными, уверенность в том, что никого не оставят в одиночестве. Многие другие преимущества территориальной вооруженной группы делали ее основной боевой единицей. Кто становился командиром, – не совсем ясно: иногда тот, кто старше, толковее, физически сильнее или кто отслужил в армии; иногда – кто купил оружие, особенно тяжелое. Но чаще всего командиром выступали организаторы группы, т.е. те, кто “сколотил” свой отряд.

Ахъяд Д. прошел всю войну вместе со своим другом-односельчанином Лом-Али и на вопрос о командирах имеет свое мнение:

“В январе был все время во дворце, когда бомбили. У нас была своя команда без всяких командиров. Хотя и кланялся начальникам, но мною никого не было, как и подо мною тоже. Мы друг другу доверяли без всяких приказов, а то приказ отдают те, кто не знает сам, что надо делать. Дворец обороняло человек сто, и все там были вперемешку. Ковалев, потом, этот с бородой. Я сам спас того раненого капитана, которого показывали по телевизору. Его положили рядом с нашим раненым в ноги, а я потом вижу, что капитан на полу. Наш так был сердит, что ему, видимо, добавил, полоснув ножом, и чуть не добил”.

В феврале 1995 г. я беседовал с “полевым командиром” (иногда он называл себя “начальником штаба”) Афганского батальона Багауди Мовсаевым из Самашек, еще до того, как федеральные войска провели две разрушительные операции против этого села⁹. Багауди сказал, что он купил на свои деньги танк, и значит он под его командованием. Сколько человек было в таких батальонах и других подразделениях, включая “армии” и “фронты”, мне неизвестно. Но это чаще всего были маленькие группы (15–20 человек). Просмотр многочисленных видеопленок не показал моменты, где бы было большее число воюющих. Эти немногочисленные самостоятельно действующие группы получили название “индейцев”, хотя, по нашим материалам, индейцами называли себя и члены дудаевской гвардии.

* Комментарий чеченского кросс-рецензента: “Не совсем так. Дело в том, что в каждом селе в основном сосредоточено несколько тейпов. Естественно, что группы объединялись по территориальному, но все же тейповый аспект занимал не последнее место. В Ермоловке, например, во время войны была Галаичожская бригада, объединявшая тейп Галай. В Закан-юрте действовал Чаберлоевский спецназ во главе с Курди Бажиевым. Это тоже в основе тейп Чаберлой”.

Ахъяд и Лом-Али (Фото В.А. Тишкова)

“Индейцы – это те, кто сам за себя и над ними нет командиров. Чего другим приказывать, если сам плохо знаешь что делать. А индейцев было больше. Только гвардия и была настоящим войском, только от нее почти ничего не осталось. Они никому не подчиняются и добровольно сами воюют где хотят. Индейцами и нас называли. Бригадир-овощевод если был, а тут командующим стал. Какой из него стратег военный? Кто чего может приказать. Хочешь стреляй, а хочешь беги. Как война пошла, то никаких командиров не надо. Есть рядом твой друг-товарищ и то каждый сам за себя отвечает. Я единственную структуру уважал всю войну – это президентская гвардия. Шамиль Басаев, Радуев – кто они?” (Ахъяд Д).

СТРАХ И ОТВАГА

Одним из удивительных явлений вооруженного конфликта является переход психологического барьера страха и быстрое овладение навыками партизанской борьбы, причем в ее наиболее сложной форме стрелкового боя, а не в форме террористических актов в виде взрывной деятельности, как это имеет место во многих внутренних вооруженных конфликтах. Многие из внешних наблюдателей и сами чеченцы не верили в боеспособность дудаевского войска. Эта скептическая версия прослеживается во многих историях:

“Когда вошли войска, я думал, что вся эта шушера дудаевская разбежится. Потому как и армия-то у Дудаева была клоунская. Все пыжились,

беретки заламывали наперекос, на ухо. Все важные из себя. А я-то знал, кто прыжнется и в телевизоре красуется, тот пустейший человек. Так оно и было. Кто возле Дудаева вертелся, тот почти не воевал. А ведь войну-то вытянул народ, ополченцы” (Таус А.).

“Однако же война – штука серьезная. Когда начиналось – долго не верилось, что воевать будут всерьез. Думали: постреляют немного. Урки разбегутся, и все станет на свои места. Ан, нет! В первый же бой, по слухам, послали пацанов с российской стороны. Как говорят, пороху еще не нюхали. Ну, урки с этой стороны и порешили их, как цыплят. А куда было податься этому народу? Многих разыскивали по всему бывшему Союзу. А они здесь, в Чечне, как бы на дно залегли. А тому же Дудаев им местную шпану выпустил. Потом же, когда начались массовые бомбардировки, мирное население стали, как траву, косить на сенокосе” (Саид М.).

В Чеченском конфликте произошло нечто, что поразило мир политиков и экспертов. А именно упорство и эффективность военного сопротивления со стороны чеченцев. Обычными являются следующие объяснения: крайняя неподготовленность федеральных войск и их саморазрушительные действия; военный талант чеченских лидеров, прежде всего Масхадова; беспримерная отвага и военная доблесть чеченских бойцов. Все эти факторы имели место и на них построен ряд профессиональных анализов, в том числе наиболее серьезный А. Ливена*.

В аргументах о доблести и отваге не хватает чего-то очень серьезного. А именно – как и почему слабо организованная и очень многочисленная часть чеченских мужчин смогла перейти барьер страха и кажущейся безнадежности сопротивления мощному механизму российской армии? Слова об уверенности в правоте своего дела, идейно-религиозной одержимости, непобедимости чеченских воинов, всенародной борьбе и прочие романтико-идеологические клише не могут убедить аналитика. Ибо известно, что индивидуальная стратегия и интерес человека строятся на первичных ценностях, среди которых желание сохранять и защищать свою собственную жизнь и жизнь своих близких. Нужна особая идеологическая обработка и принуждение, чтобы заставить человека воевать и быть готовым “умереть за родину и свободу”. Необходимо так заузить информационное поле индивида и его представления о возможных жизненных выборах, чтобы он не видел никакого другого варианта действия, кроме как выбрать смертельный риск с ничтожной перспективой на результат. Наконец, нужен был особо значимый момент действия, который означал преодоление гражданами психоло-

* Мой чеченский рецензент справедливо заметил по этому поводу: “Военный талант чеченских лидеров, в том числе и Масхадова, беспримерная отвага и доблесть воюющих – все это штампы романтизма и прочих глупостей, которые не отражают один важный момент. Даже если у Масхадова есть военный талант, то где его ему было применять, если никогда в ходе войны не было никакой управляемой армии или хотя бы большой группы вооруженных и оснащенных людей” (Рустам Калиев)

гического барьера для открытого сопротивления вооруженной силе государства.

Мне иногда представляется, что самый значимый момент, вернее действие, было совершено теми чеченцами, кто решился сделать первый залп из установки “Град” на подступах колонны федеральных войск к Грозному, и теми, кто стал подбивать с плеча современный тяжелый танк. Этот момент эйфории и сотворения невозможного оказал потрясающее воздействие на чеченских мужчин и подростков. “Трудно себе представить, что Россия двинула против нас больше танков, чем против Гитлера на Курской дуге. И мы их начали подбивать!”, – с изумлением делился своим впечатлением один из членов дудаевской делегации на переговорах в Владикавказе в декабре 1994 г. Позднее, в октябре 1995 г. в Грозном сопровождавшие меня на улице В. Акаев и И. Мунаев не могли не рассказать прежде всего о том, как жгли бронетехнику чеченские юноши.

Эти рассказы о первом потрясающем успехе стали самой сильной морально-политической подготовкой воюющих чеченцев. Факт возможного сопротивления и достижения победы в бою был продемонстрирован в самом начале войны и помнился боевиками до самого конца. Фактор успеха соединился с тотальной моральной обработкой по части “святости” войны (газавата) против “оккупантов”, “интервентов”, “колонизаторов”, что было особенно важным для рекрутирования молодых бойцов из горных сел. Ахъяд рассказал мне, что еще до войны в селах муллы подбирали специально по паре самых чистых и самых достойных молодых бойцов для службы в президентской гвардии. Он оказался среди таких избранных:

“Я денег не получал и у меня не до войны и не в войну ничего своего и не было. Даже автомат одалживал. А некоторые наши мародеры все хватили, даже под обстрелом за автоматами кидались. Всякое другое оружие и одежду себе нахватили. А уж о русских вообще не говорю. Перли вперед и людей не жалели, думали что вот-вот и все с нами закончат. Прямо по трупам танками шли. Просим о перерыве, чтобы забрать убитых, но они не хотят. Я и своих и чужих вытаскивал.

Мы никогда не пили водку, когда воевали, а русские все время были пьяные, чтобы страха не было. Мне было страшно только в первую неделю. А потом ничего. Только главное, чтобы бегом, и тогда попасть трудно. Но меня три раза ранило. Осколок один до сих пор в голове и один в боку. Но мне не мешает. Будет время, подлечимся”.

Рустам Калиев также обратил внимание на важный момент в настроениях многих чеченцев – безвыходность и отсюда – их желании драться:

«Я более чем уверен, что такого упорного и результативного сопротивления возможно не последовало, если бы российские войска с самого начала не повели политику уничтожения мирного населения. Не в военном

таланте одной стороны или неумении воевать другой стороны была причина эффективного чеченского сопротивления, а скорее в том, что своими действиями российская сторона настроила против себя жителей республики. Молодая часть населения буквально вынуждена была сопротивляться. Лично мне редко приходилось слышать “за родину, за свободу!”. Зато чаще слышал такие заключения: “Мы все равно обречены, все жители Чечни. У них одна цель – уничтожить нас всех. Но это еще нужно осуществить. Главное – косить их побольше...” Многие боевики сами не верили, что будет успешный для них исход».

КАЛАШНИКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Мифом является и версия о хорошем вооружении дудаевцев с самого начала войны, как кстати и о большом числе наемников. Дудаев и некоторые другие лидеры военизированных политических группировок (например, Беслан Гантамиров и Руслан Лабазанов) имели достаточно самого разного оружия, но рядовые рекруты всегда испытывали в нем потребность, особенно когда началась война. Личное оружие добывалось с трудом. Автомат Калашникова и гранатомет были самыми желанными приобретениями. “Калаша” украшали ленточками, с ним фотографировались, с ним по-особому обращались.

“Мои спутники еще в Хасав-Юрте обзавелись автоматом, у них были деньги. По приезду в Грозный я сам отошел от них. Город уже во всю бомбили, повсюду валялись трупы. Но людей больше занимало оружие, чем убитые; за ним ползли нередко под обстрелом. Я тоже начал понемногу осваиваться, засекал, откуда бьют снайперы. И каждый раз, когда я бросался к убитому за оружием, меня успевали опередить. Рассказывали, что автомат стоил тогда больше, чем корова. Когда после тяжелейших боев наших выбивали из трамвайного депо, федеральные войска поставили блокпост возле путепровода. Я за ними долго наблюдал и увидел, что многие пьют до чертиков, забредают далеко в одиночку... Шансов завладеть оружием силой у меня было мало. Тогда я припас обрубок рельса на путепроводе еще днем, а в сумерках снова пришел и стал ждать. Тогда мне первый раз повезло. Я слышал из своего укрытия пьяную брань, матерки; двое солдат, хватая друг друга за грудки и толкаясь, отошли от блокпоста и оказались как раз у моего укрытия. Сброшенный мной обрубок угодил одному из них, должно быть, по голове, он даже не крикнул. Второй солдат растерянно озирался, а потом вдруг побежал, не говоря ни слова. Этого было достаточно, чтобы я сбежал по откосу, схватил автомат и был таков” (Махди Б.).

«Правда, перед войной я был не у дел. Поссорился с командиром. Много брал на себя. Вернулся в село. Хотел свое дело начать. Да денег, как всегда, не оказалось. Уплыли куда-то. Тут война началась. А у меня и “Калашникова” даже нет. Ну, я и подался опять в город. Ходил, ходил я, все не мог оружием обзавестись. Да тут заметил, как несколько наших бойцов снайпера выкурили из разрушенного дома. Когда его засекали, – матерный гад попался – он начал менять позицию, перебегая от одного окна к другому, и успел-таки подстрелить двоих ребят наших. Но и его достали из под-

Намаз с “Калашниковым” (Фото О. Климова)

ствольника. Когда польхнуло в окне, ребята, видимо, не поняли, что грохнули его, иначе они раньше меня бросились бы за трофеем, у снайперов-то оружие дорогое. А я понял раньше, что ребята его достали и с другой стороны дома сквозанул в проем. Ребята еще гроыхали, а я первым подбежал к снайперу, кажется, он был еще живой. Да при нем же деньги были. И схватил, что мне причитается, и опять ринулся в свой проем. Те ребята, должно быть, потом удивлялись, не найдя оружия. Ан не зевай! Сами виноваты. Такой порядок, пусть сами на себя обижаются» (Халид).

«Я воюю с первого дня, как приехал Джохар. В одно время был даже в охране дворца президента. Правда, в президентскую охрану меня не взяли. Джохар меня заметил. Иногда вызывал, расспрашивал, а потом я помог ему, когда он рассорился с Лабазановым. Одно время я работал у него. Ты думаешь, что война началась в 94-м году? Это все для дураков. Нам нашлась работенка сразу, как приехал Джохар. Мы еще Верховному Совету показали “кузькину мать”. Меня лично Джохар благодарил, руку жал. Так что я со своим “калашниковым” не расстаюсь еще с тех пор, как взял его на гарнизонном складе. Много у меня с тех пор оружия перебивало, но вот этот (поглаживает рукой приклад – В.Т.) я ни за что не променяю. Сколько я врагов из него извел – это знаем мы с ним. Я теперь военный» (Чингиз А.).

Последнее свидетельство принадлежит 36-летнему человеку, бывшему студенту, который бросил институт еще в 1991 г., как он заявил, по идеологическим соображениям. Однако тот, кто был у него деканом, сказал, что этого человека выгнали за курение и распространение анаши. Он и во время разговора с ним был развязан и груб, при этом смеялся, как человек, имеющий пристрастие к анаше. Сколько таких

чеченцев пришло под знамена Джохара Дуддаева? По одним данным, всего активно воевавших было не более 3–4 тыс. Хотя в августе 1996 г. в Грозный уже прибыло в два–три раза больше вооруженных чеченцев, а в военных парадах принимало участие еще больше. Тогда уже все были при оружии. Как рассказал присутствовавший на церемонии инаугурации президента Масхадова тогдашний работник ставропольской краевой администрации Сергей Попов, *“сотни людей стреляли из автоматов в воздух минут тридцать, а мы только прикрывали головы, чтобы не побило падающими пулями”*.

ПРАВИЛОСЬ ВОЕВАТЬ

В большинстве известных мне историй, рассказанных боевиками, упоминает среди мотивов их участия в войне не те, которые провозглашает официальная версия или чеченские лидеры. Я бы выделил три основных мотива: азарт и желание воевать, стремление к моральному и материальному вознаграждению в результате войны, месть и защита своих жилища и родственников. Первый мотив, хотя его никто практически и не упоминает, на самом деле имеет глубокие культурные корни. В социально-культурной антропологии хорошо известно, что молодые мужчины имеют стремление к обладанию физическим превосходством и к демонстрации доблести. Во многих культурах и в разные эпохи молодые мужчины часто проходят через разного рода “бои” (настоящие и игровые) как своего рода неформальную инициацию. Особенно часто это происходит в обществах с длительной традицией войны как одним из источников существования или в обществах, пропагандирующих реальную или мифическую военную традицию.

В Чечне с ее взрывным интересом к “горскому оружию” в начале 1990 г. сложилась особая ситуация, которая до этого не наблюдалась. Пропагандистские брошюры типа “Сабли рая. Чеченское оружие в Кавказской войне” распространялись десятками тысяч. В Чечне хотелось воевать не только Джохару Дудаеву, но и тысячам молодых людей. В этом многие из сельских чеченцев или из тех, кто не считался “знатным” по внутренним иерархиям, видели самый верный путь самоутверждения. Позднее появились и другие мотивы, среди которых одним из наиболее важных стала месть за погибших родных. Этого требовал долг, причем в значительной мере долг не перед собой лично, а перед другими – своего рода общественно признанная потребность мщения. Так действительно проявилась присущая чеченскому обществу коллективистская этика и влияние сохранившегося института кровной мести, как это имеет место в ряде других регионов вооруженных конфликтов (в Косово среди албанцев, в Испании среди басков).

Вот несколько удивительных откровений:

«Воевать я начал в 16 лет. Отца расстреляли с вертолета. Старший брат подорвался на mine. Конечно, я перед соседями обязан был мстить за них. Иначе как бы я потом смотрел в глаза. Большинство мы находились в Ножой-Юртовском районе. То перемирие заключали, то воевали. И все равно нехорошо мне как-то было. Воевали-то мы вместе, вместе жизнью рисковали. Но все равно я какой-то не полный чеченец. Вроде не дотянул. Конечно, я не любил и не люблю русских. Я мстил и буду мстить им за гибель отца и брата. Но это была обязанность, долг мой. Я выполнял обычай предков и вместе с тем перестал чувствовать себя полным чеченцем. Вроде бы я одной ногой среди чеченцев, а другой ногой не то в Дагестане, а, может быть, в России. Мне трудно было определить, кто я. Потом какой-то чудик кричал по телуку, что Дудаев не чеченец, что его предки были горские евреи, что они “тати некъи”. Сказать по правде, мне и сестре, и матери это извество понравилось. Если у нас президент нечистый, значит таких, как мы, много. И еще надо доказать, кто выше. Сестра и мать сразу сделались ярыми сторонницами Дудаева. Они не пропускали ни одного митинга, стали активистками. Дудаев думал, должно быть, так же, как и мы. Это был наш президент. Вся наша семья много натерпелась от того, что нас попрекали, что мы не чистые чеченцы. Когда мы узнали, что и Дудаев такой же, как и мы, с нас как будто большой груз свалился. Мы вздохнули свободно. Дудаев говорил, что во всем виноваты русские, что они целых 400 лет давили чеченцев, чтобы победить русских, чеченцам надо объединиться, независимо от того, кто и когда из предков породнился с другим кавказским народом. Все кавказцы едины. Дудаев мечтал о кавказской войне с Россией. Мне это было по нутру. Воевать мне нравилось. Конечно, это был риск, но ничего другого я не умел делать” (Шамиль А.).

“...Тогда я прибился к боевикам. У многих из них еще не было автоматов. Были вооружены, чем попало. У меня же был собственный калашников, я воевал наравне со всеми. Уничтожил 6 танков, подрывал склады. Вместе со всеми отступил в горы. Мёрз, приходилось голодать. Бесчисленное количество раз делал вылазки в город. Я за это время увидел столько смертей, зверства, что, кажется, хватит на всю оставшуюся жизнь. В самый разгар войны исполнилось мне 16, но чувствовал я себя уже стариком. В начале мне нравился азарт, риск. В конце концов у меня было больше возможностей быть убитым. Хотя на войне, как я убедился, далеко не все решается силой, многое решается духом. У меня не было личной злобы, неприязни против российских солдат. Они были такие же пацаны, как я, только постарше. Тот, кто решил опозорить чеченцев, запугав их, тот свел и меня с этими ребятами. Не будь этой войны, может быть, мы с ними служили бы в одной армии, может быть, сделались друзьями. Тогда, однако, я многого не понимал. Только теперь вижу, что во всем виноват тот, кто затеял эту войну” (Махди Б.).

ОТЩЕПЕНЦЫ, БЕЗДЕЛЬНИКИ, ДАРМОЕДЫ

В послевоенной Чечне, несмотря на военно-политический триумф воюющей части чеченцев в 1996 г. и мощную идеологическую обработку остального населения образ боевиков в народном восприятии содержит явно негативную интонацию. Некоторые чечен-

цы скептически относятся даже к самому понятию “боевики”. Прежде всего их воспринимают как сельских маргиналов, жестоких и корыстных, готовых убивать всех несогласных, в том числе и самих чеченцев. На это, видимо, повлияли события уже августа 1996 г., когда вооруженные “ветераны войны” действительно стали полными хозяевами Чечни. Они стали внушать страх и озабоченность среди части самих воюющих, не говоря уже о мирном населении. А тому же среди боевиков произошел раскол на тех, кто сразу же сумел получить посты и вознаграждения, и тех, кому мало что досталось.

«У меня не осталось никаких иллюзий в отношении дудаевского воинства. Когда в ходе войны убили каждого восьмого чеченца, среди них не оказалось почти ни одного полевого командира из дудаевского окружения. Методы же ведения войны были самые подлые и провокаторские. Бывало, выстрелит боевик из-под забора, из-за угла чужого дома и спустя буквально считанные минуты, после того как он скроется, тотчас от дома остаются одни только головешки и обгоревшие останки жильцов. Народ, в большинстве своем, не хотел войны. Его принудили воевать такими приемами. Старались распалить в нем ненависть, развить в нем чувство мести. Воинство Дудаева во многом состояло из уголовников, которые не знали законов ни божеских, ни человеческих. Отличались беспримерной жестокостью, садизмом.

К примеру, один мой коллега по системе образования жил в коттедже в Октябрьском районе Грозного. Когда боевики начали “шалить” возле его дома, зная “почерк” работы боевиков, он попытался урезонить их, предлагая перенести свои боевые действия подальше от жилых домов, подальше от малых детей и старой больной матери, которые были у него в доме. Или пусть идут стрелять из-за своих домов. Боевики схватили его, подвергли нечеловеческим пыткам, а затем застрелили в упор. Садизм состоял и в том, что убив главу семьи сразу же, в первый день, затем на протяжении целой недели они требовали от родственников моего знакомого выкупа, обещая отпустить его живым и невредимым. Когда же боевики “слиняли” с тех мест, то родственники обнаружили едва засыпанный землей труп.

Ну, а судьба моего непосредственного начальника по мэрии Таштамирова выжгла мне душу вконец. Он не был профессиональным чиновником. Простой, доступный, необычайно доброжелательный ко всем. Он был озабочен тем, чтобы как можно больше спасти людей. Уже после того как по взаимному сговору федералы впустили в город боевиков в августе 96-го года и администрация Завгаева самораспустилась, к Таштамирову пришли боевики с просьбой дать машину на доставку раненого в больницу. Он машину дал, ее не возвращали. По горскому этикету он считал неприличным напоминать о машине, полагая, что раненым она нужнее. А боевики нагрянули через неделю, ворвались ранним утром и увели его самого. В доме у него жили родственники и знакомые, потерявшие кров. Сам он тоже не думал избегать и прятаться от боевиков, так как не только не причинил никакого зла, но и спас десятки людей. Его вместе с проживавшими в то время у него родственниками – молодыми людьми, взяли на рассвете. Всех подвергли нечеловеческим пыткам. А Таштами-

рова привязали к БТР и катали до тех пор, пока он не превратился в разрозненные клочья...

Теперь у нас один боевик ходит в деятелях культуры, произносит пустые фиглярские речи. Между тем на его поганой совести кровь по крайней мере, 40 чеченских ребят, которые поверили этой гадине и сдались в плен. А потом урки этого деятеля культуры зверски растерзали их. Я знаю, что с "артиста" спросят. Думаю, что и его трусливая душонка никогда не будет знать покоя, потому что чеченцы почти никогда не прощают крови.

Как учитель, справедливости ради, и как свидетель я обязан сказать, что боевики, отнюдь не представители народа. И трагическая война не сводилась только к зверствам дудаевских головорезов, урок и прочей сволочи. Когда народ защищал себя, свое достоинство, свою честь и саму жизнь, наконец, он выдвинул из своей среды честных и достойных людей. Но вот странное дело, кончилась война, они как будто растворились, исчезли. А на экранах телевизоров и по улицам шествуют грязные, обросшие, наглые урки в камуфляже, выдавая себя за бойцов сопротивления, народных героев. Рассказ о честных, полагающихся на бога, о тех, кому всегда тяжелее всех приходится на войне и благодаря которым война все-таки завершается – рассказ о таких людях требует другого настроения души. У меня же, как я уже говорил, все внутри выгорело" (Алик).

"Что касается войны, то я против всякого насилия. Когда совершали злодеяния над мирным населением российские войска, контрактники, я был против них и помогал боевикам продуктами, но потом я убедился, что и боевики дрянной народ и вовсе не рубахи-парни, как они рисуются на экранах телевизоров. Среди них много жулья. Когда боевики убивали российских солдат, особенно в первые месяцы войны, – не обстрелянных, не нюхавших пороха мальчиков, я был против боевиков. По-моему с обеих сторон воевали нечистоплотные люди. Поэтому я думаю, что война эта была грязная, преступная. Только в такие дни и месяцы, когда люди защищали своих близких, очаги, могилы предков от разнузданной солдатни, война со стороны населения была праведной. И искренние, честные люди были только в этой среде. Боевики же, как правило, отщепенцы, бездельники и дармоеды. Их прекрасно знали в каждом селе, откуда они родом. Они никогда не жили зажиточно: бездельники, лодыри – они с завистью смотрели на тех, кто своим трудом достигал материального благополучия, стремился жить по-человечески и зажиточно. Сейчас они награбили чужого имущества, нажились на этом. Но я уверен, что они очень скоро пустят по ветру награбленное. И станут такой же голью и гольтьбой, какой были до войны.

Я видел примеры такого мародерства, грабежей, которые никогда нельзя забыть. Мне кажется, что демократы специально развязали эту войну, чтобы разбудить в людях самое подлое, низменное и через это развалить страну. Сейчас я за суверенитет, хотя, откровенно говоря, не знаю, что это такое, как и большинство чеченцев. Но когда вспомню, каким пыткам подвергали чеченцев в фильтрационных лагерях, как их живьем сбрасывали с вертолетов, я не хочу жить в составе России. Но, может быть именно на это и рассчитывали демократы, старясь рассорить народы, выбить из них желание когда-либо впредь жить в рамках единого государства" (Тимур).

“Я вообще-то боевиком не был и до их пор не знаю, кто они такие. Тогда, в войну некоторые изображали из себя бывалых вояк, не то ковбоев, не то латиноамериканских партизан. Некоторые рядились под наибова Шамиля. Правда, были серьезные ребята. Таких очень немного. Эти защищали свои дома. Но в общем-то все это был спектакль. Многие даже гитары с собой носили и магнитофоны. Все из себя кого-то изображали. Артисты, да и только. Ни разу я не слышал тогда, что защищали какой-то суверенитет или за свободу боролись. Это все потом придумали для оправдания. Единственное, кого я уважал, так это только тех, кто решил мстить за порушенное, особенно за гибель близких. Но эти не изображали театр – все большие молчаливые, серьезные” (Саид М.).

МАРОДЕРСТВО

Мародерство – особая тема, тщательно скрываемая официальной версией или стыдливо оправдываемая. Причем, это относится в равной мере к обеим воюющим сторонам. Убедительные свидетельства грабежей и уничтожения имущества гражданских лиц со стороны федеральных войск были собраны и представлены в докладе общества “Мемориал”^{10.5.5.5.5}. В отношении воюющих чеченцев сведения гораздо более скудные. Тем не менее невозможно исключить материальный интерес боевиков, а для части из них – это был основной мотив участия в войне.

“Поначалу мы с моим дружкой ездили смотреть, как бомбят город. И вот однажды, на Шатойской дороге упал подбитый вертолет. Летчика, должно быть, убило сразу, потому что вертолет свалился точно мешок. Хотя и не загорелся. Мы первыми подбежали к нему. Сняли с летчика куртку, брюки – все они были с записями, с множеством карманов, нашивки. Я прежде таких вещей не видел. Особенно понравилась мне куртка. А кожа на ней мягкая, как будто женская. С тех пор мы чаще стали делать набеги на город. У нас был пистолет, снятый с убитого летчика. Потом обзавелись гранатометом. Нам все больше нравилась такая жизнь. Вообще война веселое дело. Ешь, пей, гуляй себе. Барахла хоть завались. Чеченцы многие богато жили, но и мы прибарахлились за войну. А чё смотреть!? Федералы эшелонами вывозили. Бывало, иногда офицеры не могут автомобили погрузить, так целые взводы солдат сидели на том, что “раскулачивали” машины. А уж зачастую я сам целые горы видел на Атагинском повороте. Вообще-то и мы охамели – тащили все, что под руку попадет. Если не могли забрать, то поджигали, чтобы федералам не досталось. А солдаты тоже хороши, – чтобы барахла не досталось офицерам, они шмотки портили специально. Бывало, зайдешь после них в богатый дом: там ковры, мебель, перины, а посреди перины или ковров дерьмо лежит, люстры и мебель ради потехи простреляны. Иногда казалось, что солдаты только тем и занимались, что поливали дерьмом богатые дома. Может быть, они делали это, чтобы офицерам не досталось. Я точно знаю, что солдаты ненавидели офицеров...”

Потом федералы научились делать нам ловушки. Бывало, специально запустят нас в неограбленный закуток, дом или улицу, а потом отреза-

ют дорогу к отступлению, берут в кольцо и начинают сносить все, что поднимается над землей. Поначалу много наших ребят погибло в таких ловушках. Но потом мы научились. Бывало, сделаем вид, что прорвались на какую-то улицу, а затем мгновенно уходим по заранее подготовленному коридору, а чаще по Сунже, река почему-то совершенно не охранялась. Ну, солдаты начинают мутузить друг друга почем зря. Сколько раз бывало, что особенно в темноте солдаты принимали за чеченов своих же и убивали друг друга десятками, а, может, и сотнями. А как только они начинают выдыхаться, так мы тут снаружи так врежемся, что ихние офицера белые простыни выкидывают. Я тебе скажу, бестолковая была армия. Я сам не служил в ней, и хорошо, что не служил. А ведь старики говорили, что когда они служили, это была сильная армия. Один у нас на Даманском воевал. Так тот говорил, что сильнее нашей армии вообще не было. Я думаю, что это офицеры испортили армию. Солдатом в бою не надо командовать. Он сам знает, как надо действовать, а командиры его только запутывают. Главное, надо сказать солдату: все, что ты завоюешь, будет твое. Это сильнее всяких команд действует. Я по себе знаю. Я столько захватил добра, что у нас дома некуда стало его девать. Потом я запасы стал делать за селом и в горах. Теперь даже потерял некоторые. Особенно много тайников у меня было с оружием. До конца жизни могу быть богатым человеком.

После гибели отца у меня пропал интерес ко всему. В августовскую войну, когда мне исполнилось 18, мне дали полковника. Но все мне было не в радость. Я воевал по привычке и без охотки. Я понимал, что федералы должны уйти из Чечни после всего, что они натворили здесь. И я воевал. Все старались нахапать побольше – машины, квартиры, вещи. У меня в батальоне был пацан младше меня, так он купил две квартиры в Аргуне, но этого ему показалось мало. Так он приобрел еще две в Грозном. Вообще-то из последней он просто выкинул русскую старушку. Все это мне было уже ни к чему после гибели отца. Помню, в августе захватили мы огромные склады напротив Карпинского кургана. Они почему-то назывались ГУАШ. Склад взял мой батальон. Интендантская часть решила нам его просто сдать, чтобы спасти свои жизни. Я не знаю барахла, которого там не было бы. Я оповестил население близлежащих домов, чтобы разбирали все это. Каждому разрешил брать столько, сколько унесет: одежду, продукты. Так некоторые стали приходить по два-три раза. А один, бывший товаровед, даже спрятался и остался на ночь. Как оказалось, по бумагам он обнаружил, что в складах была большая партия дублинок французского производства. И он решил ночью разыскать, где они лежат. Мы обнаружили его утром. И поначалу хотели просто вышвырнуть. Так он цеплялся, прятался в сусеках, предлагал поделить дублинки. Я приказал его расстрелять. А вскоре понял, что это ничего не решало.

Пока мы ждали из штаба распоряжений, что делать со складами, со стороны аэропорта началась контратака федералов. Мы заняли позиции. Склады оставались у нас позади. Атаку мы отбили, хотя и потеряли несколько лучших бойцов. А когда развернулись, то обнаружили, что склады захватили части Вахи Арсанова, выгнав мою охрану. Чтобы вернуть склады, надо было вновь атаковать. Я бы так и сделал, потому что Ваха не один и не два раза шел у меня по следам за время войны и шакалил.

В его части воевали жители 15-го молсовхоза. Ребята они упорные, но падкие на барахло и жадные. Мой же батальон состоял из асов. Они уме-ли воевать и ни разу не дрогнули в самые тяжкие минуты. Выяснить от-ношения с Вахой мне помешала обычная штабная неразбериха. Сейчас он ходит в больших начальниках, но придет день, и я спрошу с него должок. Не посмотрю, что он много старше. В бою мы были все равны независи-мо от возраста. Теперь вот мне стало плохо. Война потеряла смысл в мо-их глазах. Грязное это дело. И рыщут по ней шакалы, дожидаясь своего час» (Масуд).

«Но вот в августе 96-го караулил я склады фирмы. И такого на-смотрелся, что до сих пор по ночам спать не могу. Во-первых, как бое-вики прошли в город? Думаете, что российские войска того не виде-ли? Я верующий, мусульманин, я готов поклясться судным днем, что Дудаев был человек российский, что летом 96-го г. боевики заходили в Грозный с ведома российских войск. Клянусь тебе, я сам был свидете-лем, как российские контрактники на КПП рылись в любом скарбе в поисках водки и съедобного. А когда проходили боевики, поворачива-лись к ним спинами, будто не видели. А что потом началось?! Бывало, российские и боевики по разные стороны улицы, а между ними улица с гражданским населением. Бывало, боевики и их противники в гости друг к другу ходили, табачком и спиртным угощались, а стреляли и те, и другие по гражданскому населению. Вот и пойми эту войну после этого.

Потом повадились на наши склады. Мне директор наказал остаться в охране. Но перво-наперво закопал я ключи в землю, думаю, избивать бу-дут, все равно не выдам. Опять же грабили-то как? То российские нагря-нут, наедятся-напьются и пошли себе. А уж коли боевики пожалуют, те уж власть и нажрут, и напьются, и нагрябят – все прихватят. Когда все разграбили, что было доступно, тогда стали пилить трубы ножов-ками, будто могли те трубы сожрать в горах.

Не скажу, что все до единого были ворюги. Пришла какая-то группа чеченских ребят, видно, из медресе были, их почему-то необстрелянных бросили в прорыв на завод “Красный молот”. Так те ночевали у нас пря-мо на полу, на газетах спали, от одеял отказались. Мне потом рассказы-вали, что они все погибли.

А уж потом боевики наши доблестные добрались до больших скла-дов. Там двери бронированные были. Боевики били прямой наводкой до тех пор, пока не сорвали замки. И набросились, что твоя мамаева орда. Верись, нет, бабы запросто взваливали на себя мешки с сахаром, мукой и тащили их бегом. Почти всегда под обстрелом со стороны “Красного мо-лота” я пытался остановить грабеж, так одна баба позвала против ме-ня боевиков и потребовала, чтобы меня поставили к стенке. Верись, нет, те отказались стрелять, говорят, что я все-таки мусульманин и из-за меня кровную месть обьявят. Так эта баба сама вырывала у них авто-мат, да, видно, стрелять не умела» (Кюра).

“НЕ НА ЧТО ЖИТЬ, КОГДА СТАЛО ТАК МНОГО ВОЕВАВШИХ”

Окончание военных действий принесло вместо энтузиазма и солидарности неожиданные для многих апатию и внутричеченские противоречия. Здесь мы пишем не о политическом расколе в чеченском руководстве. Речь идет о судьбах и настроениях рядового чеченского воинства. Противоречия проявились по нескольким направлениям: командиры и рядовые боевики, ветераны войны и вновь присоединившиеся, опять же – горные (“рыжие”) и плоскостные (или городские). Вход боевиков в Грозный, а вместе с ними и всех, кто решил воевать в последний момент давно припрятанным оружием, сильно повлиял на чеченское общество. Вместо парада и великодушия победителей начались преследования и насилие в отношении самих чеченцев, особенно тех, кто не сотрудничал с комбатантами. Начался марш за должностями, наградами и собственностью, особенно со стороны тех, кто еще не успел обзавестись квартирой в Грозном или машиной. Один из “частично” воевавших (“был в разведке”) жителей, ныне работающий сторожем в Грозном, так излагает свои ощущения, в которых нескрываемое презрение и разочарование происходящим:

«На третий–четвертый день казалось, что все с гор спустились, тут чеберлойцы, шаройцы, галанчжойцы в онучах из сыромятной кожи. Они у нас еще назывались “незармачи”. Тут и старики с посохами, и женщины с детьми, и старухи. Что твои татаро-монголы. Невозможу мне стало видеть это осатанение народа. И после этого эти люди будут называть себя мусульманами?! Ну, с меня хватит. Даже теперь, когда я вспоминаю весь этот ужас, мне становится нестерпимо стыдно, а жить все труднее и труднее. Грязное и подлое это дело – война. Все самое смрадное в человеке из недр поднимается. Единственное, что дает мне силы жить – это сознание того, что есть высший суд» (Кюра).

В трудной ситуации оказались те, кто не был среди первых на последнем этапе войны и кого Масхадов готов был отодвинуть как “неконтролируемых индейцев”. Ахъяд рассказал мне о своей послевоенной судьбе с грустью и с недовольством:

“Воевали мы, которых и было не больше полутора тысяч. Потом появилось много боевиков, когда мы уже все дело сделали. А эти все Басев и другие пришли еще позже. Таких буденновсков мы пережили до него много, а ему вся слава... Вот такие люди сразу и окружили Масхадова, который гвардию распустил. Наш командир был из Самашек, а другого нам не надо было. Мы ушли из города и жили в пионерлагере. Но не на что жить, когда стало так много воевавших. Нам тогда много людей не надо было, так как трудно прокормить. Но зато многие жители нам помогали. А теперь Масхадов платить не стал, и получили вс те, кто воевал в самом конце. Поэтому и у Радуева остались только те, кто воевал с самого начала, хотя сам Радуев – ничего такого из себя не представляет”.

Ахъяд вместе со своим другом Лом-Али уехал в Москву где-то в феврале 1997 г., но уже на второй день попал в милицию.

«Чего-то не выдержал, когда спровоцировали в магазине и забрали. Сидел в тюрьме в Москве один год – весь срок. Если бы не сказал “да”, то ничего бы и не получил. Но отец учил говорить всегда правду. В тюрьме сидел и не слушал воровской порядок, когда отбирали одежду и продукты у тех, кто слабый. Вышел со справкой, а приговор не сохранил: “В тюрьме иногда бумага была нужна”».

После нашей первой беседы в гостинице комплекса “Измайлово” Ахъяд не звонил. В гостинице ответили, что он уже больше здесь не живет. 16 декабря 1998 г. Ахъяд и Лом-али пришли ко мне в Институт и рассказали, почему поменяли свое место.

«Получилась неприятность, и нас попросили съехать. Один азербайджанец в баре с нами сидел и стал ругаться с барменом, и подошла милиция, а мы не стали его давать в обиду и пришлось кое-что делать. Нас всех забрали, и просидели ночь в милиции. Он потом говорит: “Это, Ахъяд, не я говорил вчера, а водка во мне говорила, и ты прости”. Но в гостинице боятся, администратор не хочет нас, хотя мы за все платим и за переговоры тоже. Нам иногда звонят из Чечни. Лом-али матушка звонит: “Когда приедешь? Ты уже почти два года не был дома”. Нам бы надо поехать, но что ехать просто так. Все спросят, ну что Вы там делали? Нам бы что-то сделать для родственников, ну хотя бы раз в жизни. Сказать, вот это от меня. У нас ведь принято барашка зарезать хотя бы в память о матушке, которая умерла в Казахстане. А так что мне там делать? Нам места там нет. Там кто и не воевал по-настоящему, теперь вот с такими орденами. Тот же Бараев, этот сопляк, был настоящий мародер. Нам, когда Масхадов выдал по 30 тысяч долларов на несколько групп, мы купили себе обмундирование, чтобы быть одетыми нормально, и разные другие вещи, а он купил на все пулеметы, наверное, штук десять и сразу стал силой с этими штуками и уже ими все доставал. В том числе и среди чеченцев. Это только сообщают, когда обижают нечеченцев в Чечне. Своим от своих тоже достается

– А как же семья, – спрашиваю я.

– За семьей присматривают мои братья, и покушать всегда что есть жене и детям. Надо что-то привезти с собой, а как достанешь деньги? Что я умею? Я смелый и могу пойти на разговор и с десяткой человеками. Кто где-то кому не отдал, что должен или договор не выполнил. Нас могут попросить. Это я могу делать и спокойно поговорить. У меня есть понимание людей, и я могу говорить. Я особенно многому научился за год в тюрьме и за этот опыт благодарен. Я теперь этот мир знаю, но живым больше в тюрьму не пойду.

– Наверное, кто-то из московских чеченцев может помочь с работой?

– Чеченцы плохо помогают здесь друг другу. Только если близкие родственники. Один купил отель Рэдиссон-Славянская. Он же на пару с Лужковым купил и Манежную площадь. Другой имеет много от нефти. Но до них не доберешься. Пока так, то 10.5.5.50, то 200 долларов, но нам должны законно 4 тысячи и должны скоро отдать.

– Ну, а как если вернуться работать в Чечню?

– У меня была машина и кое-что, а сейчас ничего нет, но работать класть кирпичи я уже не могу. Нас всех надо лечить, а строить в Грозном чечены не будут, наемники приедут и сделают. Здесь в Москве ведь тоже не москвичи строят, а из Украины или Турции.

– Так что же делать теперь? Как-то надо решать.

– Лом-али не смотрит этот ящик, я смотрю: когда там, то что здесь, а здесь, что там. Вот показывали вчера Грозный, и там кое-кого из наших ребят я видел. Все таскают автоматы, а мне он уже надоел. Я могу охранником или по спортивным занятиям. А мне после августа предложил Магомедов стать заместителем директора по молзаводу, но что я понимаю. Еще от меня же возникнут потом другим проблемы. Я и уехал, чтобы чего-нибудь не натворить и чтобы семья не страдала. Магомедов мне сказал, зачем ехать, если что надо, могу помочь, но у меня язык не повернулся попросить. Стыдно было. Одежда есть, и свежее покушать можно найти.

– Все-таки в Чечне знают, что ты воевал и там же твои родственники?

– Мои в семье все пятеро воевали, в том числе и дядька, которому 70 лет. У него в спине здоровый осколок торчит, и он теперь герой Чечни. Но он такой хитрый и всегда в роду что за других для себя использовал. Мой отец говорил: я пойду где-то чего с кем-нибудь разберусь, а он от этого имеет. Сейчас укатил в Пакистан».

Это был наш последний разговор с Ахьядом. С тех пор его московский телефон молчит, сам он больше не звонит. Где он и что с ним – мне не известно.

Итак, среди чеченцев, кто воевал или активно помогал им, были не только молодые мужчины. По мере эскалации войны и изменения мотивов участия в ней возраст и география боевиков расширились. Их ядро составили жители из горных сел Чечни. Провозглашаемые лидерами чеченского сопротивления цели войны отлгчались от мотивов и интересов рядовых боевиков. Война и насилие, помимо “родины” и “свободы” обрели и другой смысл. Защита жилья и родственников, месть за утраты, фанатичная вера в призыв, гедонистическая эстетика войны, мародерство и престижные вознаграждения, патологическое насилие – все эти моменты присутствовали в жизни боевиков. Для них война стала грандиозной жизненной трансформацией. Утратив объявленную цель или достигнув ее, боевики оказались вне мирной жизни и ценностей. Многие из них были не в состоянии уйти от насилия. Реконструкция общества, ввергнутого в конфликт, стала невозможной без терапии и социальной реабилитации, восстановления правового порядка и обеспечения достойной занятости.

¹ Дневник Надежды Чайкиной был позднее опубликован в “ОГ”. Он более чем убедительно свидетельствует о сложном мире чувств и эмоций, которые переживает эта журналистка в отношении чеченских боевиков и одного из их политических лидеров Усмана Имаева, которому она доставила деньги из непонятого источника, но для понят-

ных целей. Лично знавший погибшую Андрей Каменьщиков сказал мне, что “после того, как Надя попала под первую бомбежку и осталась цела, она буквально заболела войной и ее постоянно тянуло в рискованные поездки”.

² Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. Львов, 1996. С. 358.

³ Выступление И.В. Кочубея на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Архив автора.

⁴ Яндарбиев З. Указ. соч. С. 89–90.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Наиболее внушительная академическая презентация “национально-освободительного” клише представлена в книге: Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999.

⁸ Яндарбиев З. Указ. соч. С. 92.

⁹ Об этом см. доклад правозащитного центра “Мемориал”: Россия–Чечня: Цепь ошибок и преступлений / Сост. О.П. Орлов. М., 1997.

^{10.5.5.5.5} Россия–Чечня. С. 250–259.

Глава X СЕМЬЯ И КОНФЛИКТ

*Это было царство старших, в котором хорошо
жилоь молодым.*

Рустам Калиев.

*Вот, что принесла эта война моей семье. Она от-
няла у меня самое святое, что есть у любого чело-
века – родителей. И с этим я должна теперь
жить. Не знаю, насколько меня хватит. Я живу
только ради детей*

Малика И.

ОРЕЧЕНСКОЙ СЕМЬЕ И ТЕЙПАХ

Семейно-гендерная тематика исследовалась в различных аспектах на примере нескольких конфликтов и войн. Особый интерес представляют работы по бывшей Югославии¹. Некоторые выводы могут быть использованы и для нашего анализа, в частности, о роли женщин в конфликте, о проблеме вовлечения детей и подростков в насилие, об эмоциональных и идеологических трансформациях родственных связей. В отечественной литературе проблема семьи и вооруженного конфликта рассматривалась только в плане положения беженцев из зоны конфликта (точнее, “насильственно перемещенных лиц”) или в аспекте социально-психологических воздействий (как проблема “межэтнической напряженности”)².

Этнографы и социологи в общих работах по проблемам семьи в СССР и даже специалисты по Северному Кавказу не выделяли каких-либо принципиально отличительных черт как института семьи, так и социальной организации современных чеченцев и ингушей в целом³. Чаще всего вайнахи рассматривались в контексте северокавказского культурного симбиоза при наличии определенных черт групповой отличительности. Так, например, А.И. Першиц, изучая вопрос о геронтоимии (почетном статусе старших) в связи с проблемой долгожительства, считает, что это явление в целом характерно для народов Северного Кавказа. Материал по чеченцам и ингушам он приводит в качестве иллюстрации для обоснования тех или иных положений.

В частности, касаясь советского времени, он напоминает о политической кампании против “стариковства”, – сознательном и продуманном подрыве престижа стариков, их нравственном, а нередко и физическом уничтожении: “Бороться с установлениями адата и шариата, да и вообще со старыми порядками было легче всего, так или иначе устранив их хранителей и ревнителей. А ими, естественно, в первую очередь были представители старшего поколения”⁴. В тоже время именно в Чечено-Ингушетии власти использовали “стариковство” для улаживания старинных межфамильных кровных распрей, а с 1960-х годов даже стали создавать общественные советы старейшин разных административных уровней проведения различных государственных и общественных мероприятий.

Н.Д. Пчелинцева и Л.Т. Соловьева в своем исследовании современной обрядности детского цикла и практики социализации детей у народов Северного Кавказа также дают обобщенную картину по материалам нескольких этнических групп, включая чеченцев. Вместе с тем они приходят к выводу, что унификация семейной обрядности народов Северного Кавказа на советской основе не состоялась и в быту местного населения продолжала жить значительная часть традиционных элементов детской обрядности. “Немаловажную роль в сохранении этой специфики, возможно, играет именно полиэтничность Северного Кавказа и в связи с этим сознательное или неосознанное стремление живущих здесь народов сохранить свой особый этнический облик”⁵. Несмотря на это, семейная обрядность у народов Северного Кавказа, по заключению тех же авторов, отличается множеством общих черт, восходящих как к языческой практике, так и к элементам мировых религий, в частности ислама⁶.

В работах отечественных специалистов чаще речь идет о глубоких исторических реконструкциях (как было в прошлом: от бронзового века и раннего средневековья до начала XX в.⁷). Причем, речь может идти о “вайнахах” II тысячелетия до н.э. (! – В.Т.), а также о прошлой обрядности как о некоей утраченной идеальной норме. Романтическая идеализация происходит и тогда, когда затрагивается вопрос о “чеченской культуре детства”⁸, народной педагогике⁹ или о так называемой вайнахской этике^{10.5.5.5.5}. На фоне этих обобщенных текстов диссонансом звучат многие из полученных мною этнографических свидетельств, в том числе и рассказ Джабраила Гакаева:

“Когда отец узнал, что я украл бутсы (не в чем было играть в футбол), то он собаку отвязал, я меня за ногу посадил на эту цепь на целую неделю и ничего не давал есть. Только старшая тетка приносила мне воды. Мне тогда было 10.5.5.5.5 или 11 лет”.

Однако если чеченская (вайнахская) специфика сводится только к установлению некоторых социологических различий и культурно отличительных характеристик семьи и семейно-родственных отношений, то этого явно недостаточно для вывода о радикальном отличии чеченцев от других народов СССР, особенно от народов Север-

ного Кавказа. Тогда на чем основано заключение о таком отличии? Конечно, не на том, что когда-то в прошлом вайнахи единственными из северокавказских народов избежали сословно-феодалного общества и жили в свободе и демократии по законам адата, которые сохранились до наших дней, как это считают певцы чеченской уникальности, чеченской солидарности и чеченского свободолюбия.

В чем видится в семейно-родственной сфере более высокая степень “традиционности” чеченцев, если вообще о таковой можно говорить в научном смысле слова? Чаще всего современные авторы называют определяющую роль особой родственной солидарности и родовой социальной организации под названием *тейпы* (или *тайпы*), а также исключительную роль старших в семье. Однако мне представляется, что незаслуженно игнорируются как якобы “идеологически вынужденные” выводы выдающегося чеченского писателя и историка-этнографа М.А. Мамакаева, который специально исследовал вопрос о чеченских тейпах. Напомню эти выводы:

“Первое. Чеченский тайп XVII века – это уже лишь пережиточная форма, образовавшаяся в результате распада ранее существовавшей большой, патриархальной родовой общины, где все члены были равны, с равными правами на производство и потребление.

Второе. Чеченский тайп этого периода объединял людей не единством экономических интересов, а только единством кровных связей и не всяких, а лишь по отцовской линии.

Третье. Тайп этого периода прошел уже длительную историю своего развития, потребовавшего дальнейшего совершенствования родовых связей.

В чем же причина столь длительного сохранения родовых институтов в Чечне? Одна из главных причин такого явления, нам кажется, в застойности феодальных отношений в чеченском обществе, в котором так прочно и длительное время господствовало натуральное хозяйство с замкнутым образом жизни людей в сельских общинах.

Однако следует отметить и обратное: распад родовой организации общества и формирование племенного союза вызывались не только внутренними причинами. Существенное значение здесь имели и внешние причины, а именно – военные конфликты, которые с появлением частной собственности стали основным способом обогащения. Таким образом, уже в XVII веке в чеченском обществе существуют благоприятные условия для накопления богатства в семье и усиления семьи в противовес тайпу. Малая семья (состоящая только из родителей и детей) становится основной ячейкой нового классового общества”¹¹.

Несмотря на уязвимую риторику “классового подхода”, М.А. Мамакаев прав в главном – малая семья, а не родовая организация составляли основу социальной структуры чеченского общества, по крайней мере в XX в. Однако далеко не все было так просто. Тот же автор пишет о “пережитках” в семейно-брачных отношениях, о случаях, когда религиозные авторитеты или тайповые родственники организуют “различных ходоков, пытающихся укротить естественную волю молодых людей”.

“А ведь ни для кого не секрет, что хитросплетенные тайповые и гаровые связи нередко уводят нас от правильного пути при решении семейно-брачных и некоторых других вопросов... Цепляясь за узкосемейные тайповые связи общественно вредные элементы пытаются уйти от ответственности за те или иные антиобщественные поступки, которые они совершают. Кровная месть еще кое-где делает свое черное дело, еще кое-кто позволяет себе просить и платить выкуп за невесту, оскорбляющий гражданское достоинство как невесты, так и жениха. Еще нередки, к сожалению, случаи, когда на нелегальных сборищах тайповый суд (тайпанан кхел) перекраивает решения нашего советского народного суда, избираемого путем всеобщего голосования. И, наконец, какими моральным кодексом дозволено бить своего обидчика или стрелять в него? Кто толкает наших молодых людей на такие поступки?... Да потому, что так решает незаконный суд старейшин. Эти “суды” еще кое-где продолжают строить дикие, неслыханные козни между людьми, рожают интриги и мелочные страсти в обществе, зависть и ненависть между людьми. И, кстати сказать, “суды” эти всегда решают вопрос в пользу того, кто предложит им большую взятку”¹².

Следует отметить, что советские, в том числе чечено-ингушские этнографы и социологи довольно интенсивно изучали семейно-родственные отношения в рамках общих изменений социальной структуры местного общества в последепортационный период, когда имели место быстрый рост образования среди чеченцев, активная социальная мобильность и пространственная (в основном временная) миграция чеченцев в пределах СССР. В частности, обстоятельные статьи были опубликованы З.А. Мадаевой и Г.В. Заурбековой о социально-классовых и социально-культурных трансформациях населения Чечено-Ингушетии¹³. Собственно чеченскую семью изучала этносоциолог З.И. Хасбулатова, и некоторые ее выводы представляют для нас безусловный интерес.

Проще всего современная чеченская семейно-родственная группа, состоявшая в прошлом из широкого круга родственников по мужской линии, превратилась фактически в малую семью, в которую входят родители с детьми и выделившиеся семьи замужних дочерей. Сократилось число авторитарных семей, и распространились семьи с фактически признанным равенством родителей и взрослых детей, что особенно было выражено в городских семьях. Традиционно главой семьи остается мужчина. Формально главенство мужчины отражает нормы семейного этикета, в котором подчеркивается престиж мужчины. В сельских семьях больше придерживаются традиционного этикета, чем в городских. Но это не означает, что женщина в большинстве семей принижена. Женщина-мать, жена, как правило, ведает семейной кассой и по своему усмотрению регулирует семейный бюджет. В преобладающей части современных вайнахских семей внутрисемейные отношения основаны на фактическом полноправии всех ее членов¹⁴.

Кое-какие важные для возникновения конфликта в Чечне моменты остались вне поля зрения специалистов. Временная трудовая

и другая миграция значительной части мужского населения за пределы республики сильно ослабила традиционный контроль старшего поколения за поведением молодежи. Последняя оказалась в большой степени подвержена не только общесоветской модернизации (русскоязычная общероссийская культура с элементами западной масс культуры, высшее образование и госслужбы, идеологический комплекс, основы полулегального предпринимательства), но и новейшим внешним идеологическим воздействиям, особенно пропаганде радикального этнонационализма, политического ислама и, наконец, идеологии вооруженного сопротивления существующему государству под лозунгом отделения Чечни от России.

В интервью российскому журналисту Игорю Ротарю один из наиболее влиятельных протагонистов чеченской сецессии Хож-Ахмед Нухаев поведал откровенную историю, как, будучи в 1980-х годах студентом МГУ он проникся новыми “антисоветскими” идеями, в последующем был одним из главных чеченских рэкетиров в Москве, “собирая деньги на дело освобождения Чечни”¹⁵. Именно эта категория выпускников московских, грозненских и других вузов 1970–1980-х годов составила наиболее просвещенную и радикально настроенную часть населения, которая повела себя крайне политизированно, используя для сугубо утилитарных целей ссылки на традицию, религию, историю и чеченскую исключительность. Причем модернистский проект “национального самоопределения” чаще начинался и заканчивался для его энтузиастов сколачиванием личного капитала, приобретением дорогой квартиры или дома за рубежом и усилиями интегрироваться в “чужую нацию”, даже если это была страна, где не уважаются права национальных меньшинств, как, например, Великобритания или Турция. Именно так поступил Нухаев и многие другие лидеры первой волны чеченской суверенизации, делавшие быстрый капитал на выбивании долгов, незаконных денежных операциях, торговле нефтью, оружием и наркотиками, примитивном рэжете.

Помимо немногочисленной образованной молодежи в период “национальной революции” и вооруженного конфликта значительная часть сельской мужской молодежи фактически вышла из “круга семьи” и стала отдельной (но не самостоятельной!) социальной силой, для которой семью заменило “боевое братство” с идеологическими и военными наставниками в лице чеченских политических лидеров и полевых командиров. Иногда идеологическими наставниками могли быть заезжие идеологи, как это произошло с тем же Нухаевым, дружба которого с поляком Мансуром Якимчиком превратила последнего в секретаря и спичрайтера богатого молодого чеченца, проживающего в Лондоне или в Баку. В целом проблема молодого поколения (от демографического “переизбытка” до ценностных ориентаций) применительно к чеченскому конфликту должным образом не рассмотрена.

СОЦИОЛОГИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ СЕМЬИ

Семья была и остается основным социальным институтом чеченского общества. Опирающаяся на вышеупомянутые исследования и полученные материалы, моя позиция сводится к следующему: в советский, особенно в последепортационный период, чеченская семья и семейно-родственные отношения прошли существенную модернизацию, но в ряде аспектов чеченцы в большей степени, чем другие народы страны (если не считать малочисленные народы Севера и некоторые малые группы Дагестана), сохранили традиционный уклад жизни и нормы демографического поведения. Однако обусловлено это было в большей степени не этнокультурными, а социально-историческими факторами.

Накануне конфликта чеченская семья по своим основным характеристикам мало отличалась от обычной российской семьи, которую можно отнести к модернизированному типу современной парной семьи. Это подтверждают и исследования чеченских этносоциологов и этнографов в 1970–1980-е годы. Хотя, безусловно, семейно-брачные отношения в Чечено-Ингушетии имели свою социально-культурную специфику. Прежде всего чеченская семья была самой многодетной в пределах РСФСР (нынешней России). Ее средний размер в 1989 г. в республике составлял 5,3 при среднем размере по России – 3,8 человека. На долю семей с 5 и более детьми приходилось 46% при среднем по России 3% и среднем по Северному Кавказу 8,5%. Близкие в Чечено-Ингушетии показатели имел только Дагестан, где доля многодетных семей также была высокой – 33,6%¹⁶.

Среди мотивов, объясняющих установку на многодетность, мне встретился следующий:

“Нам всем, особенно после депортации, казалось, что нужно из патристических побуждений прежде всего рожать большие детей, чтобы восстановить нашу нацию, так жестоко пострадавшую от сталинской высылки. Ведь мы потеряли больше половины наших людей, а часть оказалась разбросанной по всему Советскому Союзу и домой уже не вернулась. Даже я, уже проживая в городе и работая в университете (т.е. мы относились к элитной чеченской интеллигенции) разделял целиком этот взгляд. Так у нас с Яхой родилось шестеро детей (один мальчик умер совсем маленьким). Особенно гордились, когда большие рождалось мальчиков. Старались всем дать высшее образование. Так мы как бы создавали новую основу нашей нации. Многие из нас тогда не думали, что много рожать детей – это еще не решение проблемы народа. Куда важнее вырастить их полезными для семьи и общества людьми. Тем более не думали и не гадали, что рожали и готовили пушечное мясо для разных авантюристов” (Джабраил Гакаев).

Как известно, СССР имел в последние десятилетия один из самых высоких в мире уровень межэтнической брачности. Каждая седьмая советская семья была этнически смешанной (перепись

1989 г.), а в крупных городах, особенно в столицах союзных республик, этот уровень был еще выше (в Риге, например, каждая четвертая семья). Но в данном явлении сохранялись региональные и этнические различия. Чаще всего этническая гомогенность семей была обусловлена не столько степенью интегрированности представителей той или иной группы в остальное население страны, наличием отчуждающей дискриминации или особыми традициями эндогамности (закрытости браков), сколько характером расселения и степенью урбанизированности народа. Среди более компактно проживающего сельского населения вероятность выбора иноэтничного брачного партнера была значительно ниже, чем в городах и в зонах смешанного по составу населения¹⁷.

Чеченцы в целом были одним из наименее урбанизированных народов: доля горожан составляла 39% по сравнению с 73% в целом по РСФСР. В границах современной Чеченской республики среди всего населения было 43% горожан, а среди чеченцев – 24%. По данным переписи 1989 г., доля моноэтнических семей среди всех семей чеченцев составляла 88,5% по РСФСР и 93,7% в Чечено-Ингушетии. Всего в республике в 1989 г. 735 тыс. чеченцев имели семьи, из них 689 тыс. проживали в моноэтнических семьях. Известно, что среди чеченцев преобладают моноэтнические браки. Этот же вывод был сделан ранее З.И. Хасбулатовой, в специальной статье о смешанных браках в Чечено-Ингушетии. Она отметила, что в среде сельского населения неодобрительно относятся к бракам вайнахских женщин с русскими. В основном имели место нечастые случаи, когда местные мужчины вступали в брак с представительницами других национальностей (приезжие молодые специалисты из числа учителей, врачей, медицинских сестер или в результате знакомств во время службы в армии, а также учебы в вузах за пределами республики). Как пишет З.И. Хасбулатова, “одной из причин незначительного количества межнациональных браков является отрицательное отношение к ним со стороны родителей. Вместе с тем немаловажное значение имеет сохранение религиозных и других пережитков в сознании некоторой части сельского населения”¹⁸.

И все же не только названные причины объясняют сравнительно низкий уровень межэтнических браков. Были обстоятельства, которые могли действительно серьезно влиять на характер этой сферы социальной жизни чеченцев и ингушей, прежде всего те же самые пространственно-географические и демографические. Чеченцы, будучи многочисленным народом, в то же время занимали компактные и гомогенно заселенные зоны гор и предгорий, что позволяло сохранять сравнительно высокий уровень групповой брачной эндогамности при достаточном числе доступных брачных партнеров из представителей собственной группы и при ограниченном доступе иноэтнических партнеров в преимущественно чеченских районах. Менее гомогенные и не столь многочисленные районы рассе-

ления других народов Северного Кавказа обуславливали несколько иную модель брачных связей. Именно поэтому уровень межэтнических браков среди сельского населения Чечено-Ингушетии был ниже среднего по СССР и даже по Северному Кавказу, и объяснялось это не культурно-религиозными установками или уровнем цивилизационного развития, а степенью урбанизации и достаточной демографической численностью, позволявшей сравнительно более высокую эндогамность. Другими словами, у чеченцев был достаточный выбор партнеров в собственной среде и довольно часто он ограничивался только своим (например, в сельских районах с малым числом жителей-нечеченцев).

Чеченцы, проживавшие в более этнически смешанной городской или сельской среде (особенно чеченско-ингушские и чеченско-русские поселения западной и северной Чечено-Ингушетии), демонстрировали открытую форму брачного поведения, особенно мужчины. Серьезным препятствием для смешанных браков здесь скорее были не религиозные установки или решения старшего поколения родственников, а установки (а значит и доступность) потенциальных брачных партнеров из числа русских и ингушей, для которых чеченцы могли быть не самыми желанными партнерами (те и другие, скорее всего, предпочитали заключать брак с русскими). Этим же (а не межгрупповым антагонизмом), кстати, можно объяснить и более низкую брачность между чеченцами и ингушами: потенциальные партнеры на смешанный брак из обеих групп как бы чаще доставались русским, точнее, чаще соискали русских.

Три молодые русские женщины, занимавшие в Чечне должности учителя, культработника и комсомольского функционера, заверили меня, что для русской девушки с любыми достоинствами в Чечено-Ингушетии не было никаких проблем выйти замуж за чеченца, ибо ухажеров с самыми серьезными намерениями было более чем достаточно.

И все же у меня есть ощущение, что в Чечне, особенно в Грозном, среди молодых горожан не чеченской национальности существовали античеченские установки в смысле брачных предпочтений, но они были вызваны не культурными или религиозными факторами, а тем, что чеченцы гораздо чаще были сельскими жителями, и им приходилось в случае выбора иноэтничного партнера преодолевать двойной барьер: социальный и культурно-этнический.

Хотя мною специально не исследовался вопрос о семейно-брачном поведении среди современных чеченцев, но в имеющихся материалах присутствующий еще два момента. Нет никаких упоминаний о роли тейпового фактора в брачном поведении и о каких-либо отличительных тейповых установках в области семейно-брачного поведения и отношений. Наконец, никто из информантов не смог подтвердить вывод Я.В. Чеснова, что в силу неких глубоких исторических факторов (почти религиозно-мистических) предпочтитель-

ность брачности среди чеченцев имеет географическую направленность с Востока на Запад Чечни¹⁹. Кстати, этот тезис не подкрепляется убедительными данными и самим Чесновым, оставаясь таким образом красивой легендой.

Но даже если серьезный анализ (сделать в свое время подсчет по материалам загов было бы несложно) выявил бы некую пространственную направленность внутреченской брачности, то и тогда необходимо более внимательно смотреть корреляцию последней с социальным положением в разных регионах Чечено-Ингушетии, с географическим фактором “равнина – горы” и с фактором демографического давления. Однако и без специальных исследований можно предположить, что в период обзаведения семьей потенциальные брачные партнеры движутся (для получения образования или работы) больше с гор на равнину и из села в город, чем наоборот. Однако, как заметил Джабраил Гакаев, в том числе и на собственном примере, городские мужчины также часто берут в жены девушек из сел. Следует учитывать, что в малонаселенной местности труднее найти партнера, чем в районах с большим числом жителей. Без анализа и учета этих факторов, основываясь лишь на некоем генетическом коде или мифологической причине, определять траекторию брачной предпочтительности невозможно.

При крайне низком уровне разводимости среди чеченцев-мужчин широко распространены внебрачные связи. Чеченцы имели незарегистрированные семьи и детей в тех местах, куда выезжали на сезонные строительные работы. Это явление, к сожалению, не было исследовано социологами и демографами. Имеются некоторые интересные свидетельства. Одно из них принадлежит убитому лидеру одной из вооруженных групп Лабазанову, бывшему в оппозиции к Дудаеву. В интервью московской журналистке он заявил:

“Женимся мы, конечно, на чеченках, но русские женщины – самые лучшие в мире. У меня на этот счет есть опыт. А одну, которую звали Мария, всю жизнь буду помнить. Она меня, стокилограммового, вытащила чудом из воды, когда я начал тонуть на одном из черноморских пляжей. Может быть, сильно пьяным был”²⁰.

Из статистических данных видны различия в размерах семьи, уровне разводимости и доле этнически смешанных браков. Однако внутреченские различия современной городской и сельской семьи значимее, чем по этническому признаку. Особенно схожи семейно-брачные характеристики среди населения республик Северного Кавказа. И все же есть достаточно оснований говорить и о своеобразии семейно-брачных и родственных отношений у чеченцев.

Характерной чертой является прежде всего типичное для культуры кавказских народов почитание старших, уважительное отношение к родителям. Некорректное поведение по отношению к родителям и к старшим рассматривается как самый сильный порок.

“Отец сказал, что надо из Москвы уезжать туда к нему, в Ростовскую область. Чего там делать – я не знаю, но раз сказал – значит это закон. Поеду” (Ахъяд).

В современных чеченских семьях отцовская линия доминирует, но авторитет матери, а также бабушки ставится высоко. Почитание родителей, особенно отца, культивируется и поддерживается даже мелкими, но значимыми моментами. Когда мы с Джабраилом заходили в его квартиру с улицы, один из сыновей спешил нагнуться развязать ботинки, помогал их снять и надеть домашние тапочки. Так же и при уходе из дома. В русских семьях подобное не наблюдается, если это не связано с физической немощью.

Несмотря на многодетность и порой сложные жизненные условия, для чеченцев характерно заботливое отношение к детям, особенно по части образования и продвижения по жизни. Также заботливо относятся к племянникам, т.е. к детям сестер и братьев. В октябре 1999 г. с началом новой войны в Чечне Хеда привезла в Москву двух своих племянников:

“Света и тепла нет, они начали болеть. Старшей четыре года, а младшему три года. Младший всё меня спрашивает: это и есть Москва, а тогда где же здесь слоны? А это я ему обещала показать слонов, когда в Москву собирались. Мне с ними не трудно. Они очень понятливые и меня слушаются”.

СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СТАТУС ЖЕНЩИНЫ

Среди чеченцев существует широкий круг родственных связей с системой моральных обязательств взаимопомощи и поддержки. Сохранились традиционные семейно-брачные ритуалы, особенно в горной сельской местности. Цикл досвадебной и свадебной обрядности охватывает целый коллектив родственных семей, знакомых, соседей. Как гласит традиционная этнография, “основными формами брака у чеченцев были: по согласию, убогом, умыканием”²¹. Однако в последние десятилетия умыкание невесты было редкостью или носило характер модернизированной инсценировки.

“У нас не было случаев, чтобы вс решали родители за молодых людей. Был случай, когда девочку Настю увез один мальчик, с которым до этого она встречалась. Но потом ее забрали, и она вышла замуж за другого. Вообще таких случаев было много. Но насилия не совершается. Парень увозит, а потом старики должны все уладить” (Хеда).

Супружеские отношения складываются по-разному, но супруг внешне доминирует, хотя многие ключевые решения (т.е. власть) остаются за женщинами. Статус женщины соответствует тому важному положению, которое она занимает в общественном производстве и в трудовой жизни семьи. В прошлом женщина у чеченцев

пользовалась относительно большой свободой. Девушки и даже замужние женщины не прятались, не закрывались и не стыдились присутствия мужчин. В свою очередь, мужчины, воспитанные с детства в духе строгой морали, отличались сдержанным отношением к женщинам. Я.В. Чеснов посвятил одну из своих лучших статей проблеме женщин и жизненной этики в чеченском менталитете. Он отметил, что чеченские женщины доминируют в домашней жизни, они социально активны, участвуют в политике, с женщиной связывается представление о носителнице высоких нравственных качеств.

“Как народная поговорка бытует сентенция “Нет мужчины, который не справился бы с женщиной, но многие женщины из недостойных мужчин делают достойных”. Чеченцу льстит, если его жена обладает какими-либо особыми положительными качествами. Слова “Твоя жена лучше, чем ты” чеченский мужчина воспримет как комплимент. Но если сказать, что “Ты хуже своей жены”, то это будет тяжким оскорблением”²².

Этнографический материал не во всем совпадает с этими заключениями. Исторически и вплоть до последних дней в чеченских семьях было распространено насилие в отношении женщин. Джабраил рассказывал, что его первая настоящая ссора с отцом произошла из-за матери: *“Он её опять избил, и я тогда сказал: всё, это последний раз, иначе будешь иметь дело со мной. А я уже тогда был крепким и взрослым парнем”*. Об избиениях женщин, о глумлении старших родственников над невестками, о сексуальном насилии со стороны свекора рассказывали некоторые мои информанты, но, как правило, с большой неохотой. Скрытность этой части семейной жизни и идеологические установки не позволили написать подлинную историю чеченской семьи.

Меня интересовали вопросы добрачных связей, супружеской неверности, многоженства, проституции и особенно изнасилования женщин, ибо эти сюжеты имеют прямое отношение к экстремальной ситуации внутреннего вооруженного конфликта, когда его главными жертвами почти во всех случаях становятся женщины и дети. Эти вопросы особенно важны для изучения постконфликтной ситуации, когда может быть серьезно нарушен как демографический баланс полов (значительная часть мужчин убита или покинула местное общество), так и общественная мораль. Как сказал мне один из заместителей федерального министра, занимающийся Чечней и проблемой беженцев, *“они там в этих лагерях беженцев все перетраха-лись друг с другом, воровство, наркотики, если сейчас сразу вернуться в Чечню, то ситуация станет еще хуже”*. К сожалению, выше перечисленные проблемы фактически не изучались. Я имею только отрывочные свидетельства моих информантов.

“Изнасилований в селе даже не помню. Был случай, когда я была в классе шестом, одной девочке было наверное лет десять, и ее изнасиловал один мужчина, ему было лет сорок. Это было такое потрясение, все в се-

ле об этом только и говорили. Я другого такого случая не помню. Его посадили на 15 лет, и я не знаю, что потом с ним стало. Он не вернулся. И сейчас я не слышала, чтобы это было сильно распространено даже во время войны” (Хеда).

Даже в период разгула насилия в республике и открытого террора со стороны вооруженных групп населения, крайне мало фиксировалось случаев насилия над женщинами. Подобное своего рода табу косвенно распространялось и на поведение федеральных солдат в период военных действий на территории Чечни, когда казалось бы существовала установка на жестокость в отношении местного населения. Однако во вторую войну, когда федеральные военные обрели господство над основной территорией и контролируют все сферы жизни населения, появились случаи изнасилований чеченских женщин, в том числе и массовых, со стороны федеральных военнослужащих (см. главу XII).

Некоторые наши истории дают замечательные примеры сильных и благополучных семей в довоенный период. А о матерях чеченки рассказывают с особым чувством привязанности, равно как чеченцы больше готовы рассказывать об отце и почти ничего о своих матерях.

“У нас в семье не было больших денег, но я никогда не чувствовала, что мне очень нужны деньги. Все знали, где они лежат. И я даже не отчитывалась, сколько я взяла. Начиная с пятого класса, я сама все покупала в магазине, что было нужно из продуктов, и даже посуду, белье. Сколько я заплатила, меня особо и не спрашивали. Отец и мать оба работали. Моя мама – уникальная женщина. Мой отец работал в молодости лектором от общества “Знание”. На второй день, когда мама устроилась работать дояркой на ферму, к ним приехал отец читать лекцию. Каждый рассказывает эту историю по-разному. Отец говорит, что она всю лекцию на него смотрела, а она говорит: “Неправда, я вообще на тебя глаз не поднимала!”

Моя мама из большого и достаточно сильного рода. А у отца родителей не было. Его воспитывал двоюродный брат, который считается как родной. Мой отец был в районе известным как один из первых, кто получил высшее образование. Он был активным комсомольцем, но в смысле материальном у него ничего особого не было. Бабушка моя ни за что не хотела маму за него отдавать, и он ее увез как бы с ее согласия. Бабушка собрала родственников, человек сто пришло, даже вооруженных, чтобы ее забрать. Но ее где-то там спрятали. И она так и осталась.

Моя мама закончила техникум и была лучшим специалистом по виноградарству. Она от природы благородный человек. Она может пойти на прием к английской королеве, и я знаю, что она сделает все, как нужно. У нее какая-то природная интуиция. Все друзья отца говорят, что если бы он на ней не женился, то он бы десять раз развелся и десять раз женился в своей жизни. Она в крови своей аристократка. Все удивляются откуда она такая, кровь или гены особые. Она никогда не просит что-то сделать. Я, например, сию читаю книгу. Если нужно что-то сделать, она пойдет и начнет сама делать. Я ей говорю, почему нельзя было ска-

зять. А она говорит, если я скажу, тогда любой сосед может пойти и сделать это. Голоса она практически не повышала никогда. Я не слышала, чтобы моя мама кому-то что-то громко сказала. Я когда была маленькой, как бы первым ребенком (до этого были две девочки, но они до года не дожили). Я считалась очень болезненной. Думали, что я умру: вся была синюшная и болезненная. Родители много в меня вложили. Я помню зимними, долгими вечерами мама всегда рассказывала мне сказки. Их было пять сказок на чеченском языке. Они все время повторялись. Я знала любую деталь. Русские сказки тоже читали мама и отец. Она всю жизнь проработала и только последние два года не работает.

У нас был дома трехтомник “Чеченский фольклор”, изданный в 1966 или 67 году. Там есть очень хорошие сказки. Мама мне читала лет до 12, когда уже я сама могла читать, но мне нравилось слушать ее интонацию. Она для себя ничего не читала, но всегда была занята делом. Даже если нет ничего особого, то она будет ходить по двору собирать пылинки. В доме всегда было очень чисто до стерильности. Туалет всегда был во дворе и всегда была вода. Стоял на плите бачок с водой, чтобы была теплая вода” (Хеда).

ЗАБОТЫ И ЖЕРТВЫ РОДИТЕЛЕЙ

Война жестоко вмешалась в семейную жизнь и именно этот вызов был наиболее остро воспринят чеченцами. Аргумент о защите дома и семьи стал основным в принятии многими решения взяться за оружие. Как правило, вооруженные действия чеченцы вели рядом со своими селами и оставались в них до прихода и после ухода федеральных войск. Не идеологические призывы, а разрушение жилища или потеря близких являлись главными мотивами, которые толкали чеченца стать боевиком. И все же это было не обязательным исходом. Большинство стремилось уберечь членов семьи, в том числе молодых мужчин и подростков, от участия в вооруженной борьбе. Вот несколько свидетельств:

«Дудаев-то – он наш. Он парень ничего был. Его “окруженцы” сгубили, я думаю. А ведь они из плоскостных. Я думаю, Дудаев был против войны. Она ведь рабочему человеку не нужна, война-то. А те, которые нефть грабили, те ждали войны, как манны небесной. Наверное, и в России были такие. Ты думаешь, что после войны здесь хотели что-то восстанавливать? Да ничего подобного. Тут сама война было затеяна, чтобы разрушить все. А выделенные потом будто на восстановление деньги заграбастать. Это я – рабочий человек так понимаю. Я институт не кончал. Потому и сыновьям показал, чтобы на ту войну ни шагу. Я в Советской Армии служил с русскими, узбеками, казахами. И скажу тебе, ребята были хорошие. Это потом стали делить мусульмане, христиане. А мы тогда не различали. Я с русскими даже крепче дружил» (Иса М.).

“Мне 77 лет. Я живу на дороге, идущей от аэропорта в город. Все российские войска проходили под моими окнами. У меня трое сыновей. Младший и средний воевали. По правде говоря, я не хотел младшего отпус-

Отец и сын (Фото В. Шеколдина)

качь. Сначала пошел средний, воевал. Приходил к нам, сюда домой, когда мы скрывались здесь в подвале. Младшего я поначалу не отпускал. Но, видно, он посмотрел на старшего брата и сам ушел. Когда уходил старший, я не противился. Знал, что люди попрекнут, что он отлынивал, когда всем миром воевали. А младшего не отпускал от себя. Все-таки опора мне – старику. Должно быть, чуял я недоброе. Погиб младший. Я, видишь, и на финской побывал, и в отечественной воевал. После последней войны, видишь, хромой сделался. Я долго в толк не мог взять, с кем теперь воюем. Вроде бы одна страна. Помню, когда на отечественную призывали, колонну нашу провели вот тут же по Первомайской. А теперь по этой же Первомайской двигались российские войска. Вроде бы мир перевернулся” (Вадуд).

Немало чеченцев постаралось выехать из Чечни или прежде всего вывезти детей из опасных зон. Исмаил Мунаев рассказал историю как он со смертельным риском увозил своих детей-подростков из Грозного, старался пристроить их на учебу в школу и в вуз в Нальчике и в Москве. Джабраил Гакаев во время второго исхода из Грозного в августе 1996 г. вместе с пятью детьми, двое из которых были уже юношами, оказался под бомбежкой в собственной квартире.

“Такие безысходность, отчаяние и чувство стыда перед детьми, что ты, отец, лежишь на полу и ничего не можешь сделать. Готов был выбежать на улицу, броситься на кого-то и тоже сражаться, но за кого и с кем? И что будет с детьми?”

Несколько кратких извлечений из историй информантов, касающиеся детей:

“Всю войну все мои переживания зациклились на детях, за них мне было нестерпимо больно. Мне хотелось защитить всех детей. Во время августовского штурма мы три дня сидели в подвале. Совсем рядом с нашим

домом рвались снаряды. Дети плакали, хотели на улицу. Если бы это продоллось еще пару дней, я бы просто сошла с ума. Никогда это не забуду” (Малика И.).

“Многие дети убежали на войну, не дожидаясь разрешения родителей. Они собирали оружие в городе, помогали взрослым. Маленьких детей пытались вывезти в безопасное место, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию... 29 декабря 1994 г. мы из нашей семьи всех женщин и детей отправили в Гудермес. Зная, что они в надежном месте, за них переживали меньше” (Рамзан Д.).

“Детей все пытались вывезти, хотя удавалось это не всем. Многие дети пострадали, очень много покалеченных детей. Удержать дома 12–15 летних мальчишек невозможно” (Элина С.).

Нами зафиксированы случаи противоположного поведения: поощрения и благословения родителями (преимущественно отцами) участия детей и родственников в войне. Причем мотивы такого поведения были разными. Одни верили в газават или в лозунг борьбы за независимость как долг и единственно правильное решение. Повторялись как бы известные каждому советскому человеку истории о матерях и отцах, отдавших войне с фашизмом своих сыновей и тем самым совершивших человеческий подвиг. Но не менее существенный аргумент – это, что скажут другие после войны, если не проявил солидарности с народом и чеченской доблести.

“Я сам, конечно, не вояка, мне уже за 60 было, когда война началась. Правда, в переделки я попадал покруче любого вояки. С автоматом же не расставался, хотя и редко стрелял, в атаку ходить не довелось. Большие в подвалах сидел со стариками да женщицами. Тоже, ведь, присмотр нужен. А сыновья воевали. Все трое. Спрашиваешь, почему воевали? С а м з а с т а в и л в о е в а т ь. Говорю: что людям скажем после войны? Все воевали, а мы отсиживались? Нет, Мунаевы не такие. Как народ – так и мы. Надо, чтобы после войны пальцем не показывали” (Висит М.).

Послевоенное прославление такого поведения в типично советско-пропагандистском духе можно найти во многих выступлениях чеченских лидеров, особенно в безжалостной публицистике Яндарбиева. Но были и другие мотивы поощрения сыновей на участие в военном ремесле. Это – добывание трофеев и достижение материального благополучия на войне. Некоторые истории напоминают шекспировские сюжеты.

“Благословение воевать дал нам отец. Мои старшие братья были в Москве на подготовке к международным соревнованиям. Им вообще предлагали остаться в Москве. Но отец вызвал их и сказал, что в старинном предании предсказано, что власть развалится. Коммунисты не удержат страну. И самыми богатыми станут те, кто первым прорвется к богатству. Отец всегда хотел быть богатым. Мы пошли в спорт, потому что там стали хорошо платить. Потом мы открыли сначала кооператив. Потом дали взятки директору школы, захватили у него школьный уча-

сток и устроили платную автостоянку. Отец правильно чувствовал, что надо спешить. И в боях мы были самыми первыми. Только в начале войны мы четвером подбили 9 танков. Дудаев устроил для нас специальный прием и приводил в пример. Когда началось большое наступление российских войск, мы уходили последними все. Адлан очень досадовал, что приходится отступать. Он никогда не боялся пули и почти всегда шел в атаку в рост. Я думаю, он подавлял солдат психологически. Не только потому, что он был мастером восточных единоборств, но и потому, что никогда не допускал мысли, что его убьют.

Говорят, что в Бамуте была первая рукопашная. Это неправда. Рукопашные бои мы начали, когда войска шли из Первомайской на Грозный. Когда мы отступали, Адлан очень злился. Нас донимали тогда вертолеты. А нам нечем было отбиваться. Я Адлана очень любил. Это он научил меня борьбе. Мне тогда было только 15 лет. Мать хотела, чтобы я остался с ней. Но Адлан сказал, что настоящий мужчина получается только на войне. Когда его прошили автоматной очередью, он не хотел падать и шел еще почти квартал, хотя в нас продолжали стрелять. Тут подоспели наши бойцы и мы спрятали его в подвал. Потом его вывезли в село и хоронили прямо в камуфляжной форме, как газия.

После этого мы стали еще сильнее драться. А нас рассказывал по радио Удугов. Чтобы отомстить за Адлана, вместе с нами стала воевать наша сестра Лайла. Вскоре убили Адалама. Его тоже похоронили в камуфляже. Доносчики рассказали солдатам, где мы построили дом перед войной в Грозном. И наш дом подожгли федералы. Отец в это время был неподалеку. Говорили, что он долго смотрел на горящий дом и смеялся. Потому некоторые сплетничали, что он тронулся. После этого все мы, оставшиеся в живых братья и отец, встретились с Дудаевым. Он всем жал руки, а затем спросил отца, какой награды он хочет для себя. Отец посмотрел на околицу, очертил рукою круг по горизонту и сказал, что лучшей наградой для себя считает землю. Дудаев спросил, до какого ориентира на поле отвести отцу землю. Отец сказал, что граница будет у того столба. Дудаев тут же стал писать указ. Тогда отец засуетился и сказал, что он имел в виду не столб, а еще дальше орехового дерева, где высоковольтная опора. Тогда все засмеялись. Отец тоже смеялся. Но когда получил копию указа, то стал ползать и кататься по земле. Я тогда подумал, что он на самом деле тронулся. Эту землю сельчане нам не отдадут до сих пор. Но мы все равно считаем ее своей, потому что у нас есть указ. Потом убили моего третьего брата Аслана. Он только что выиграл международное первенство по дзюдо. Его хотели забрать в школу олимпийского мастерства. Но отец хотел, чтобы он воевал. Мы все хотели воевать.

После войны Яндарбиев назначил меня в департамент земледелия. Тогда я смог выбрать для отца и наших родственников хорошие участки земли. Говорят, что земля всегда будет в цене. Мы полностью вернули себе то, что сожгли у нас солдаты в Грозном. Мы стали богаты, как хотел отец. У нас два автосервиса: в городе и в селе. А нефтяных колодцев у нас столько, сколько могут вычерпнуть (неразб.)... Всю трудовую работу мы поручали наемным трудягам. Так что мы воевали не зря. Мы знали, за что воюем. И получили то, на что рассчитыва-

ли. Отец был у зикристов тихого зикра. По нашей просьбе главный мулла ваххабитов Магомед Вахитов провел работу с отцом, и он стал нашим единоверцем. Нам надо сохранить то, что мы завоевали. Нашу власть и богатство” (Галхигов).

Несмотря на эти истории, мы склонны к выводу, что в большинстве случаев молодежь и даже подростки самостоятельно принимали решение об участии в вооруженной борьбе. Возможно, чаще всего это делалось без уведомления родителей или вопреки их воле. Большинство боевиков определило свое решение как акт сознательного ответа на внешние призывы или собственных расчетов и настроений. Еще чаще воздействовал пример других сверстников или братьев, который говорит о слабом контроле старших над членами общества и родителей над детьми, что, скорее, свидетельствует не о патриархальности чеченской семьи, а о вполне модернизированном типе жизненного поведения. Показательно одно небольшое, но важное замечание 28-летней Элины С., преподавательницы русского языка и литературы из Грозного, касающееся ее погибшего брата. Именно так поступало большинство молодых мужчин.

“Без вести пропал мой двоюродный брат Муслим. Ему было всего 22 года. Он находился в президентском дворце и защищал его до конца, дальше никакой информацией мы не располагаем. В январе он пришел к моему отцу и сказал, что принял газават и будет драться до победы”.

В подтверждение еще несколько свидетельств.

“Я уехал в Москву в 1992 г., чтобы дома чего-нибудь не натворить, и работал на базе, ремонтировал машины. Потом осенью 1994 уехал в Грозный, когда был первый поход на город в ноябре. Стал служить в гвардии Дудаева. Туда отбирали специально по два человека из села по рекомендации старейшин. Такие были ребята чистые, не курили и не пили. Многие из них погибли. А я вот курю и немного выпиваю, и, видимо, всевышний за это меня к себе не взял” (Ахъяд).

“Многие из молодых ребят убежали из дома. Шел постоянный спор между некоторыми стариками и молодежью. Старики не верили, что русские пришли нас убивать, они говорили, что мы ничего плохого не сделали и уже не то время, помня выселение в 1944 г. Они еще долго оставались в таком неведении, пока не стали привозить первых погибших ребят. Помню, весной 1995 г. все обсуждали, что в нашем лесу скрываются ребята и несколько вертолетов три часа подряд бомбили лес. Все испугались, что начнут бомбить село, детей спрятали в подвалы” (Хава И.).

ДЕТИ ВОЙНЫ

Конфликт в Чечне породил особую группу детей-солдат, которые получили оружие, обучение как им пользоваться и благославление от взрослых боевиков. Для подростков даже были установлены особые награды. Этот феномен вовлечения детей в насилие хорошо

Чеченка с фотографией покойного мужа и с детьми (Фото В. Шеколдина)

известен и широко распространен в конфликтных зонах стран Африки, Латинской Америки, а также на Ближнем Востоке и в Афганистане. Некоторые международные организации даже начали мировую кампанию против вовлечение детей в вооруженную борьбу, рассматривая его как одно из уголовных преступлений.

Чечня не стала исключением. Мы зафиксировали одну из историй, изложенную 15-летним чеченским бойцом:

“В том году в нашем хьюжаре разморозило отопление. Занятий было мало. И мы все бегали на митинги. Нам было весело. На главной площади в больших котлах варили мясо. И мы наедались вдоволь. Машинами привозили и сгружали гуртами прямо на землю арбузы, дыни. И все это бесплатно. Кушай, сколько сможешь. Народ был веселый. Всем хотелось говорить речи. Везде на площади то там, то тут делали зикр. Но когда садилось солнце, настроение менялось. Многие кричали угрозы Завгаеву.

Потом митинги стали как спектакль по телевидению. Народ садился на скамейки перед зданием правительства: старики в первых рядах, дальше осталась народ. Речи говорились с крыльца. Когда начинали говорить те, кто за Завгаева, то Сосламебеков давал команду, и все начинали свистеть и топтать ногами. Потом на козырьке над входом в Дом правительства становились парни с ружьями и кинжалами. Тогда гяуры замолкали. Окна Дома правительства были выбиты, еще когда бросали камни в Завгаева. И в пустых проемах окон становились раздетые до пояса парни с кинжалами. Правда, крепких парней там было немного. Большинство были худые.

Русских на митингах не было. Чеченцы стали занимать их квартиры. С нашего села много народу переехало в город. Возле нашего медресе в Грозном тоже жили русские. Наш учитель занял целый этаж. Я с тремя своими дружками из медресе занял квартиру в соседнем доме. И там мы жили. Занятий уже не было, так как мулла все время был на митинге. На митингах тем, кто приходил каждый день, раздавали мыло и стиральный порошок. Мы с дружками успевали хапнуть несколько раз. Относили нашу добычу на базар и продавали торговкам. Потом на митингах стали платить деньгами. Нам, как малолеткам, доставалось мало. Потом учитель договорился, и нам тоже стали платить, как взрослым. Но большую часть денег мулла забирал себе.

Эту хорошую жизнь принес нам Дудаев. Дудаев был в авторитете у всех. Мне он тоже нравился. Мы, чеченцы, очень любим военную форму. Мы с дружками решили, что тоже будем генералами. По-настоящему мы почувствовали себя военными, когда смогли захватить оружие в гарнизоне. Мы знали, что начальник русского гарнизона смерть как боялся нашего генерала Дудаева. Трусил-трусил, а потом бросил оружие и убежал с солдатами. Когда начали разбирать оружие, оказалось, там были заложены мины. Некоторые взрывались. Но на них не обращали внимания. Каждый старался взять как можно больше оружия. Оружие хапали и мужчины, и женщины. В нашей группе старший был Хасан. То, что мы взяли за одну ходку, он припрятал в заброшенном гараже на случай, если власти попытаются забрать оружие. И сам стоял на шухере. Мы сделали в тот день шесть ходок, пока не пришли гвардейцы Дудаева и не оцепили скла-

ды. Тащили все – старики, бабы, дети совсем маленькие. Многих мы знали по митингам.

Над всеми торчал сверху в высокой шапке Сосламбеков, который на митингах давал знать, кого надо перекричать и освистывать. Он загрузил целый грузовик оружия и увез. Хотя делал вид, что его охраняет. Я это сам видел. Но мы не в обиде. Ночью мы все наше оружие перенесли к родственникам Хасана. Родственники Хасана продали то оружие. Нам дали целую кучу денег. Себе мы оставили по два автомата и пистолеты. Вот тогда я почувствовал себя человеком. Купил камуфляж. Жена нашего учителя мне форму укоротила. Учитель дал нам бумагу, что мы его охраняем. За это мы дали ему автомат.

До начала войны в армию нас не брали. Потом Дудаев сказал, что воевать должны все с 14 лет. Мне уже к тому времени как раз 14 и исполнилось. И я стал настоящим солдатом. Про то, как воевали – это особый разговор. Воевали с азартом, как будто в кино. Вроде это и ты стреляешь, бросаешь гранаты, и вместе с тем как будто это не ты, а другой человек. А все равно весело. Когда шли танки у Первомайской, мы первыми вступили в бой. Возле консервного стоял уже десяток подбитых танков. Но некоторые объезжали горящие танки. Одна машина уже катилась к 7-й школе. Видно, танкист был опытный. Он то бросал машину в сторону, то резко тормозил, то бросался вперед, и мы никак не могли попасть в него. Возле самой школы Хасан обогнал танк. Я даже не понял, как это случилось. Хасан бежит к танку, с задней стороны, в руках у него гранаты (он всегда носил гранаты на поясе), и в тот момент, когда танк в очередной раз рванул назад, раздался очень сильный взрыв. Огонь от танка поднялся выше домов. Потом ребята сказали, что это Хасан подполз под танк.

В боях возле трамвайного парка погибли Паша и Султан. Султан был малолетка, на целый год моложе меня. Когда у него кончились патроны, он тоже подорвал себя. Потом про нас много рассказывали по радио. Мы стали героями. В живых я остался один. Мы не посрамили нашего генерала, который говорил, что один чеченец может уничтожить и 10.5.5.5, и 20 врагов. Когда погиб Дудаев, я плакал в первый и последний раз в своей жизни” (Саид Г.)

История Саида Г. потрясает своей откровенностью и безусловной правдивостью. Мне не раз приходилось слышать и даже видеть видеокадры как “чеченская революция” использовала детей и подростков для самой неприглядной цели – совершения насилия. Проблема вовлечения и использования детей в конфликте носит не только исторический характер (истории маленького революционера Гавроша и “сына полка” знал каждый советский школьник), но это и глобальная современная проблема. Дети воюют в ряде африканских стран, их используют комбатанты в Шри Ланке, мексиканском Чиапасе, югославском Косово. В Чечне она приобрела массовый и демонстративный характер.

Джохар Дудаев действительно привал к вооруженному сопротивлению всех чеченских мужчин от 14 до 70 лет. Журналисты охотно показывали перед камерами обвешанных оружием детей, чтобы

убедительнее показать “всемирный характер войны”. Никто не объяснял, что подобные действия не имеют оправдания и являются нарушением всех норм и законов о защите и правах детей и несовершеннолетних.

У постсоветского населения крайне смутное представление о существовании подобных норм вообще, и в то же время силен пропагандистский стереотип, что “у войны свои законы”. Даже профессионально выполненное российской правозащитной организацией “Мемориал” исследование массовых нарушений прав человека и норм гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта в Чеченской республике не затрагивает эту проблему, вернее, просто ее не видит. Естественно не видят ее или трактуют в возвышенно-моральном и апологетическом плане чеченские политики и интеллектуалы, особенно инициаторы и лидеры вооруженного сопротивления.

Яндарбиев так описывает начальный период войны, когда, по его словам, “создавалось впечатление, что все соревнуются в героизме”, когда боевые командиры “демонстрировали миру начало новой эпохи боевой славы чеченского оружия”: “...Но ряды защитников Отечества не редуют. В них вливаются все новые силы. И не только мужчины, но и женщины берут в руки оружие. А пацаны 13–15 лет совершают фантастические поступки. Окончательно становится ясно, что чеченцы не отступят от независимости. Но скоро ли поймут это Россия и мировое сообщество...”²³

Дети определенно рассматривались чеченскими лидерами как боевая сила, и такая стратегия достигалась достаточно успешно. Еще до начала вооруженных действий многие чеченские дети оказались вне школы и даже вне семьи. Подростки маленькими группами из сел и грозненских пригородов сконцентрировались в районе проведения политических манифестаций, где ими манипулировали взрослые. Они также были на острие действий (чаще в качестве “живого щита”) воинственных радикалов по захвату государственной собственности, армейского оружия и военного имущества. В ходе беседы с Юсупом Сосламбековым мне, например, не удалось даже разговорить его на эту тему: он ее просто не видел. Хотя в своей брошюре он также признал, что подростки получали небольшую плату деньгами за то, что совершали опасные действия против политических оппонентов и законных властей²⁴.

Кто и как оказывал решающее воздействие на поведение детей в период конфликта? Как уже говорилось, родители имели большой авторитет в семье, но далеко не все они стремились удержать подростков от вовлечения в насилие. Предложенные взрослыми агитаторами и наставниками формулы, что за свободу и независимость должен сражаться и умирать каждый чеченец, в наибольшей степени повлияли на неустойчивую психику и мировоззрение детей. История Саида Г. показывает, что главную роль

Старейшины с. Толстой-Юрт (Фото В. Бышовца)

сыграл учитель-мулла, который, показывая, прекратив занятия, поощрял действия детей, в том числе деньгами, которые выплачивались за участие в митинге.

Мой чеченский рецензент Рустам Калиев высказался по проблеме отцов и детей следующим образом:

“В Чечне всегда преобладал культ старшего. Это обстоятельство было по-хамски использовано так называемой чеченской элитой при поддержке особо активных стариков, вообразивших из себя гераклов и аристократов одновременно. Это было что-то необыкновенное: молодое поколение в оппозиции Дудаеву и К°, а главы семьи, рода, тейпа – старейшины, уважаемые деды не просто поддерживают Джохара, а ходят на всякие митинги, сходы.

Молодежь, критикуя Дудаева, тем не менее политикой интересуется в свободное от других проблем время и меньше политизирована. Старшее поколение было более агрессивно. На почве политических взглядов возникло много конфликтов. Массовка для “революции” также была подобрана в возрасте от 60 лет. Интересная картина на выборах: отцы голосовали за Дудаева, дети – против него. Никогда еще не было в Чечне, чтобы так открыто пересекались интересы поколений. До конфликта даже вопросы жизни и смерти, чести решались в 99 случаях из ста так, как почитает правильно старейшина. Дабы не перечить старшим, участники антагонизма оставляли при себе свое мнение, и это не считалось подавлением личности. После 1991 г. старшее поколение в лице старейшин перестало быть эффективным регулятором социальных процессов в чеченском обществе”.

ПОТЕРИ БЛИЗКИХ

Самым трагическим моментом в рассказах звучит тема утраты близких. На размышления наводит одна непростая проблема. Имеются свидетельства того, что было названо известным российским политиком В.А. Михайловым, возглавлявшим переговоры с дудаевской стороной, “чеченским презрением жизни”, т.е. низкая цена человеческой жизни среди чеченцев. Этот тезис вообще является дискуссионным в социально-культурной антропологии; встают вопросы, возрастает ли ценностность жизни по мере модернизации человеческих коллективов или нет и есть ли у данного явления этнические параметры? Скорее всего, независимо от этничности, многодетность, уровень жизни и образование влияют на ценностную ориентацию относительно жизни и смерти. В частности, феномен “смерть без оплакивания” был замечательно исследован австралийским антропологом Нэнси Шепер-Хьюджесс на примере повседневной жизни бразильской бедноты²⁵.

В Чечне презрение к чужой жизни, в том числе и жизни соплеменников, демонстрировалось неоднократно, особенно высшим руководством. В то же время оплакивание убитых чеченскими женщинами неоднократно снималось на видеопленку и широко транслировалось как наглядное и эмоциональное свидетельство совершаемого насилия. Не меньшее презрение к человеческой жизни было проявлено и со стороны российских властей, особенно военных. Пожалуй, речь идет о социально-культурной характеристике, свойственной всему постсоветскому населению с небольшими отличиями. Самое убедительное тому подтверждение – невозможность установить точное число погибших в чеченской войне с обеих сторон.

По причине неизбирательного применения оружия и преднамеренного нападения на гражданское население, убийства людей без судебного разбирательства в войне погибло гораздо больше гражданского населения, чем солдат и боевиков. Артобстрелы, бомбардировки, операции по штурму населенных пунктов, массовые аресты гражданских лиц делали потери среди граждан неожиданными и трудно установимыми. В хаосе вооруженного конфликта члены семьи и другие родственники часто теряли друг друга без всяких известий. Они продолжали надеяться, что пропавшие близкие живы, и искали их повсюду. Некоторые продолжают искать и по сегодняшний день.

Малика Сальгириева, схоронившая еще не старого мужа, умершего от инфаркта сердца, поведала мне собственную историю лишь во время нашей третьей встречи.

«Я Вам не рассказала про свою главную историю. Я ведь не могу найти маму с 1994 г. Она вышла из дома еще в первые события (ноябрь 1994) и потом исчезла. Я ее с тех пор ищу: всю войну с косметичкой и с документами своими и мамы не расставалась ни на минуту. Если потеряешь,

Малика Сальгириева (Фото В.А. Тишкова)

то все. Когда еще шли бои в середине января, в нашем районе уже установилась комендантура. Я сразу пошла к начальнику с просьбой дать мне пропуск на проход блокпостов. Объяснила ему, что я жена подполковника МВД и мне надо проведать свою мать. Он мне дал пропуск на целый месяц, хотя давали обычно на две недели. Я прошла по городу, не знаю, как меня пули не зацепили и никто не убил. На улицах никого не было, ни одной женщины не встретила. Я пришла к родительскому дому. Он у нас был вполне приличный: кирпичный, с забором и с воротами. Стекла в окнах были выбиты. Я за 2–3 часа забила их фанерой. Разговорилась с ребятами-солдатами. Они говорят: “Мы мусульмане – татары. Как вы, оказывается, богато здесь жили, такие хорошие дома, и чего вам еще не хватало?”

Спрашива: “Зачем вы их жжете? Вот это мой куян, где я жила”.

“А нам дают задание сжечь этот квартал или тот”.

Маму искала везде. Весной открывали коллективные захоронения. Я все просмотрела. Такого ужаса насмотрелась. Мне это все напомнило гитлеровскую Германию. Так пахло, что у меня капилляры на глазах полопались. От переживаний я вся сразу поседела и опухли ноги. Я не могла даже одеть галоши 12 размера, хотя до этого я носила 9 размер. С тех пор у меня сердце заболело и я лечилась в московском кардиоцентре. А до 1994 г. у меня даже не было медицинской карты, и никто мне моего возраста не давал. Спортсменкой была.

В ноябре 95-го открывали захоронение в Самашках. Я туда поехала с мужем. Там все плакали и убивались, и я тоже. А старик-мулла сказал, что он всех отпевал и такой женщины не видел (я ему показала фотографию). А местным женщинам сказал: “Зачем вы ее мучаете, ведь такой женщины здесь не было”. После 4 часов уже стало темнеть, и нас из-за комендантского часа из села уже могли не выпустить, чтобы вернуться в Грозный. Мы заночевали у родственников в Серноводской.

Кроме двух захоронений, я столько подвалов просмотрела, но так и не нашла ее. Она была с 1918 года рождения, из Ведено, тейп Гордолой. У меня вот карта Чечни, и я ее разным экстрасенсам показывала. Вот один мне здесь что-то чертил».

Еще одна не менее печальная история Малики И., 25-летней жительницы Грозного, матери двоих детей.

“11 августа отец вышел из дома, и больше его никто не видел. Мама ушла с другими больными в Старую Сунжу, и через неделю ее привезли домой. То, что отец пропал без вести, ее окончательно добило. Она считала себя виноватой в этом. Мама очень переживала по поводу происходящего, она не могла понять, что происходит. Ей все время казалось, что в Москве просто не знают размеров этого варварства. Все время успокаивала нас, говорила, что русский народ не виноват, что они страдают так же, как и мы.

Моя мама была настоящим интернационалистом, у нее было очень много друзей других национальностей. Мы долго жили в Мангышлаке, отец был нефтяником и работал там. Когда там начались волнения против чеченцев, мы оттуда уехали. Мама долго переживала по этому поводу. Она вообще была очень жизнерадостным человеком и всех заражала своим жизнелюбием и оптимизмом. Даже тяжело больная она шутила,

смеялась. Почти год мама лежала в постели, и 6 мая 1997 г. ее не стало. Мне ее очень не хватает.

Все это время наша семья, близкие родственники не прекращали поиски отца. У меня теплилась надежда, что он жив. Может быть, сидит где-нибудь в российской тюрьме. Дядя выходил на русские спецслужбы, ездили в Пятигорск, Ростов, искали среди мертвых.

Долгое время после войны люди находили братские могилы в самых немислимых местах. Каждый раз, когда вскрывались такие захоронения, мужчины ездили смотреть, нет ли там отца. Но его нигде не было. Мы с тетей перебивали у массы гадалок, ясновидящих. Все говорили, что отец жив. Мы им верили, очень хотелось быть обманутыми. Надежда помогла мне жить после смерти матери. И вот, в августе 1997 г. мы получили сообщение, что кто-то, ища своих родственников, наткнулся на моего отца. Оказывается, один старик обнаружил его в трансформаторной будке с пулевыми ранениями, завязанными руками и захоронил в своем огороде. Прежде чем захоронить, он срезал лоскутки с его одежды. Именно по ним его и опознали. Это был самый страшный день в моей жизни. Казалось, что все закончено. Я не хотела верить, что это именно мой отец, хотя он ушел из дома именно в этой одежде.

Так, в течение трех месяцев мы с братом остались без родителей. У нас была очень дружная семья, нам даже завидовали другие дети. Я очень переживала за брата, ему всего 20 лет. Я хоть замужем, отвлекают дети, а он один. Мы, конечно, всячески поддерживали друг друга, но это очень нелегко. Вот, что принесла эта война моей семье. Она отняла у меня самое святое, что есть у любого человека – родителей. И с этим я должна теперь жить. Не знаю, насколько меня хватит. Я живу только ради детей. У меня очень хороший муж, не представляю, чтобы я без него делала. Он мне очень помог, без него я давно сломалась бы”.

Война нанесла удар по многим семьям, отобрав жизни, разрушив только дом и уничтожив имущество. Они были разбросаны по разным местам и подолгу ничего не знали друг о друге. На глазах менялась психика и ухудшалось здоровье членов семьи, которые не могли вынести пережитые утраты, страх и лишения. Медицинские обследования населения в Чечне не делались, но ясно, что косвенные потери гражданского населения достаточно велики. Во многих историях упоминаются случаи внезапных инсультов, инфарктов, раковых заболеваний, психических расстройств.

“В декабре, когда начали бомбить Грозный, нас с детьми вывезли в Шатой. Отец, дядя остались в городе. В январе в дом, в подвале которого они находились, попал снаряд. Крышу дома снесло, и, по словам отца, было ощущение, что дом подняло. Он выбежал и бежал до автовокзала (это достаточно далеко), сам не понимая, зачем. Там его увидели люди и позвали к себе, так как находится на улице было опасно. Неделю он просидел у них в подвале, затем ушел в Урус-Мартан и оттуда пешком в Шатой. На это ему понадобился месяц. Мы были с 10.5.5.5 января в Махачкале и ничего о нем не знали. Позже через родственников получили письмо. Отец ничего не говорил о произошедшем, мы даже боялись, что что-то произошло с его психикой.

Чеченский боевик с ребенком

Но потом ему удалось выйти из этого состояния. В апреле он приехал в Махачкалу, навестил нас. Решил, что там нам безопаснее. Грозный был еще заминирован, там были федералы.

В июле 1995 г. мы вернулись в Грозный. Школа моя была полностью разрушена, работы не было. Мы привели в порядок уцелевшие комнаты. В августе уехала на стажировку в Германию сестра. Летом у отца обнаружилась опухоль руки. Ее долго лечили и, казалось бы, за-лечили. 26 октября под утро мы нашли его лежавшим на полу. Хотели поднять, но не смогли. Он был парализован. Мы позвали мужчин, и они его подняли. Оказалось, что это инсульт. Потом он смог произнести несколько фраз. В таком состоянии отец провел 12 дней. Врачи сказали, что он может выйти из этого состояния, если выдержит сердце. Но оно было слишком ослаблено войной. 7 ноября 1995 г. отца не стало. Мы смогли похоронить его на родовом кладбище в Горгачи (Вашандарой). Это высоко в горах. Через месяц, когда умер его брат, тоже от инсульта, его не смогли вывезти в горы и похоронили в пригороде Грозного только на второй день” (Элина Салажиева).

“ЧИСТЫЙ ИСЛАМ” КАК НОВЫЙ ПОРЯДОК

Война в Чечне вызвала к жизни явления, которые некоторые специалисты называют “возрождением исламского образа жизни”, якобы всегда присутствовавшего у чеченцев, несмотря на жестокое подавление со стороны властей и господствующей идеологии. Были ли ислам не только религией, но и образом жизни, в том числе и ее семейной сферы?

Казалось бы, подтверждением этого тезиса стали попытки введения шариатского правления и установления нового порядка, в том числе и норм поведения для женщин, не говоря об официально разрешенном многоженстве. На улицах чеченских городов и сел стали появляться женские фигуры с закрытыми лицами, как бы символизируя восстановление утраченной традиционной нормы. Всеобщим потрясением стал телерепортаж о публичной казни двух молодых людей за совершенное прелюбодеяние по приговору шариатского суда.

Итак, чем война обернулась для чеченской семьи и для взаимоотношений отцов и детей? Судя по нашим материалам, мы имеем дело с масштабным разрушительным воздействием, которое оказалось возможным в ситуации вооруженного конфликта, когда не традиция, а автомат и приказ стали определять нормы поведения.

Ситуация до войны, при всех тогдашних деформациях, не характеризует семейную жизнь в Чечне как построенную по законам шариата. Современное поколение даже не знало, что есть такой институт шариатского суда, который может и должен регламентировать жизнь чеченцев.

«Шариатские суды вмешивались в редких случаях. Когда бывали убийства, но не специальные (кто-нибудь сбил кого-то машиной, например). Вот в таких случаях вмешивались шариатские суды. Они так не назывались, и я даже не знала, что это были шариатские суды. Просто старики какие-то, которых люди все знали, они эти дела и как-то улаживали. Тот же случай, если девушку увезли насильно. Они приходили и старались уладить. Если не получалось, то возвращали. Когда же были серьезные случаи преступлений, это все шло через обычный суд. Случаев кровной мести в селе не помню.

Была такой случай (я о нем узнала случайно): у нас в селе была такая старушка, которая все про всех всегда знала. А у нас на улице жила одна семья, которая давно приехала к нам из другого места. У них был мальчик лет шести. Он бегал и все кого-то обижал. Она ему и говорит: поезжай в свое село и бей там детей, если ты такой смелый. А он отвечает, что он из такой-то семьи здеиной. “Я знаю какой ты здеиный. Приехали сюда из-за кровной мести”.

В нашем селе примерно так все и осталось. Может быть появились в связи с событиями после 1991 г. и войной какие-то люди-кровники, но все равно это так ярко не проявляется, как в горных селах. А вот система заступничества была. Это свято. У меня есть братья, родной – младше меня на шесть лет, но есть двоюродные братья. Я к этому никогда не прибежала, но была всегда уверена, что защита есть» (Хеда).

Теперь, по свидетельствам Хеды, в селе Беной появились желающие установить новый порядок, который они называют “чистым исламом”. Стали говорить людям и даже стыдить их за то, что созывают много родственников и знакомых на разные похороны или свадьбы, тратят все свои деньги. Кто-то считает, что они правы, но для большинства – это стыд даже выслушивать такие упреки. Все

равно им никто не внемлет. А тем более женщины вести себя так не будут, как им хочется. Женщины только одни и работают сейчас в Чечне, а мужчины автоматы таскают или сидят без работы.

В наблюдении молодой чеченки довольно точно отмечен ценностный конфликт, рожденный войной. Радикальная исламизация есть не что иное, как попытка демодернизации общества в условиях разрушений и человеческих утрат, а также потери социальных ориентиров. В чем-то демодернизации чеченской жизни способствует и реальная демографическая ситуация. По крайней мере многоженство – это всего лишь одна из возможных ответных стратегий в условиях резкого сокращения брачных партнеров среди мужчин. Многие убиты на войне, многие уехали, чтобы не воевать, многие занимаются бизнесом за пределами Чечни в других регионах России.

Но все равно представляется маловероятным, чтобы чеченское общество приняло нормы жизни по законам шариата. Хотя демодернизационный возврат возможен, но едва ли на долгий срок. Вероятно, уже никогда не будет возврата к существовавшим нормам отношений отцов и детей, как и не восстановятся многие семейно-родственные связи, разорванные войной и политико-идеологическими противостояниями. Скорее всего, это будет новое общество, но чеченское, в котором культурная норма народа будет сосуществовать в симбиозе как с общероссийскими ценностями и нормами, так и мировой массовой культуры.

Если говорить в целом о воздействии вооруженного конфликта на семейно-родственные отношения и на то, какое место семья занимает в обществе, ввергнутом в войну, то возможны следующие выводы. Семья как социальный институт становится одной из основных жертв вооруженного насилия. Некоторые деформации обретают глубокий и долговременный характер. В тоже время семейно-родственные связи оказываются одними из наиболее стабильных. Они удерживают общество от социального хаоса, а иногда и от самого насилия.

Возврат к довоенной чеченской семье едва ли возможен из-за огромных человеческих потерь, перемещений и материальных разрушений. Что придет на смену после окончания военных действий и какие здесь возможны стратегии, в настоящий момент продолжающегося противостояния и самого начала постконфликтной реконструкции сказать очень трудно.

¹ *Bringa T.* Being Muslim. The Bosnian Way. Princeton, 1995; *Sofos S.A.* Inter-ethnic Violence and Gendered Constructions of Ethnicity in former Yugoslavia // *Social Identities.* 1996. Vol. 2. N 1; *Milic A.* Women and Nationalism in the Former Yugoslavia / Ed. Gender, Politics and Post-Communism. N. Funk, M. Mueller. N.Y., 1993; *Povrzanovich M.* War Experience and Ethnic Identities: Croatian Children in the Nineties // *Collegium Anthropologica.* Vol. 19. N 1. Zagreb, 1995.

- ² См.: *Графова Л.* Беженцам из Чечни бежать некуда. М., 2000; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ³ См., например: *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1983; Современные этнические процессы в СССР. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1977.
- ⁴ *Перишиц А.И.* Геронтоимные традиции и долгожительство на Северном и Западном Кавказе / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 25.
- ⁵ *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 131.
- ⁶ *Они же.* Ислам и обряды детского цикла у народов Кавказа / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 133.
- ⁷ См., например: *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* Элементы семейно-бытовой обрядности в погребениях II–I тысячелетия до н.э. (Горная Чечня) / Семейно-бытовая обрядность вайнахов / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982; *Хасбулатова З.И.* Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. / Там же.
- ⁸ *Чеснов Я.В.* Чеченская культура детства / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996.
- ⁹ *Хасбулатова З.И.* Из опыта народной педагогики вайнахов XIX – начала XX в. / Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Грозный, 1988.
- ¹⁰ *Алироев И., Сайдуллаев М.* Чеченцы! Кто они? М., 1999; *Исаев Э.* Вайнахская этика. Назрань, 1999.
- ¹¹ *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. С. 82–83.
- ¹² Там же. С. 78–79.
- ¹³ *Мадаева З.А.* Социально-культурные изменения в сельских районах Чечено-Ингушетии (на примере с-за “Шалинский”) / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1986. С. 32–39; *Она же.* Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов. / Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1985. С. 6–18; *Она же.* Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов / Семейно-бытовая обрядность вайнахов / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982. С. 64–77; *Заурбекова Г.В.* Основные тенденции изменений социально-классового состава населения Чечено-Ингушетии за годы Советской власти / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы Чечено-Ингушетии. С. 19–31.
- ¹⁴ *Хасбулатова З.И.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е гг.) / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- ¹⁵ Интервью Ротаря с Нухаевым // Независимая газета. 1995. 20 мая.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Хасбулатова З.И.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е гг.) / С. 40–57.
- ¹⁷ По этому вопросу см.: *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

- ¹⁸ *Хасбулатова З.И.* Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии / Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. С. 45.
- ¹⁹ *Чеснов Я. В.* Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народа / Чечня и Россия: Общества и государства / Ред-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 78.
- ²⁰ Московский комсомолец. 1992. 19 мая.
- ²¹ Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 402.
- ²² *Чеснов Я.В.* Указ. соч. С. 72. См.: *Он же.* Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.
- ²³ *Яндарбиев З.* Чечения – битва за свободу. Львов, 1996. С. 354.
- ²⁴ Одинокий волк на тропе независимости. М., 1996. С. 22.
- ²⁵ Nancy Scherer-Hughes. Death Without Weeping. The Violence of Everyday Life in Brazil. Berkeley; 1992.

Глава XI РЕЛИГИЯ И КОНФЛИКТ

Учителя говорят, что наша религия самая правильная в мире. И что все народы примут ее рано или поздно.

Рамзан Б.

Наши не хотят переводить Коран на чеченский язык, так как там нет ничего про чеченцев.

Ибрагимов Х.

Распространение ислама на территории Чечено-Ингушетии происходило на протяжении длительного времени. По данным археологии и некоторых письменных источников, этот процесс начался еще в период арабо-хазарских войн VIII–IX вв., на него оказали влияние половецкая знать в XI–XII вв., Золотая Орда в XIII–XIV вв. и нашествие войск Тимура в конце XIV в.¹ Многие древние верования и культы горцев были трансформированы и адаптированы исламом. Особое место заняли почитание *шейхов-устазов*, *имамов*, *хаджи*, в том числе и связанных с ними святых мест. Исторически ислам в Чечне носил либеральный, умеренный характер. Это был преимущественно суннитский ислам шафиитского толка (*мазхаба*), традиционно придерживающийся суфийских тарикатов. Данный тип ислама достаточно хорошо приспособлялся к местным традициям и обычаям. Среди верующих существовали последователи (*муриды*) братств накшбандийа и кадирийа. В последней трети XIX в. из братств выделилось несколько ветвей (*вирдов*). Различия между вирдами в основном связаны с формами исполнения обряда коллективного радения – *зикра* и исполнением религиозных гимнов и молитв².

К началу XX в. в Чечено-Ингушетии коренное население в подавляющем большинстве было мусульманами и существовало многочисленное и влиятельное мусульманское духовенство, но оно не имело строгой иерархии. Ислам играл мобилизующую и идеологическую роль, в том числе и прежде всего в период вооруженных выступлений местного населения против царизма, а также в ранний советский период³. Установление советского строя в Чечне сопровождалось ожесточенной гражданской войной, которая имела, отчасти,

Сельская мечеть (Фото В. Бышовца)

и религиозную форму. Незадолго до прихода большевиков к власти в России, в августе 1917 г. конгресс исламских религиозных деятелей, состоявшийся в дагестанском ауле Анди, избрал имамом Дагестана и Чечни шейха Наджимуддина (Готсинского), который в союзе с шейхом Узун Хаджи начал создание религиозной монархии в составе Чечни и Дагестана. На определенном этапе они сотрудничали с большевиками против Белой армии генерала Деникина, нанеся ей поражение летом 1919 г. Осенью того же года шейх Узун-Хаджи провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана “Северо-Кавказским эмиратом”. Шейх стремился создать теократическое государство наподобие государства имама Шамиля в середине XIX в. Шейху Узун-Хаджи приписывают изречение: “Я вью веревку, чтобы повесить инженеров, студентов и всех тех, кто пишет слева направо”. После смерти Хаджи в мае 1920 г. часть чеченских лидеров поддержала большевиков, и к 1922 г. организованное движение против советской власти фактически прекратилось⁴.

В советский период ислам ушел на периферию общественной жизни. Религия и церковь были одними из самых главных объектов отрицания и подавления со стороны власти. Ислам считался чуждым и опасным “пережитком прошлого”. Действовавшие в Чечне и Ингушетии до середины 1920-х годов шариатские суды были упразднены, против духовенства организовывались судебные процессы и осуществлялись открытые репрессии, многие культовые здания разрушались или использовались для хозяйственных нужд. Тем не менее ислам в Чечено-Ингушетии сохранялся больше, чем в других российских регионах его традиционного распространения, за исключением Дагестана. До 1929 г. в Чечне действовало 700 соборных мечетей, 2 тыс. “кубовых” (квартирных), в 1931 г. было 180 *мадраса*, которое посещали около 2 тыс. учащихся⁵.

Со временем религиозная деятельность попала под жесточайший контроль, и ислам как доктрина и как политический институт стал уходить из жизни чеченцев. Он сохранялся на уровне жизненных установок и бытовых норм главным образом среди старшего поколения. Молодежь и лица среднего возраста, особенно мужчины, почти все почти атеистами или просто неверующими: текст Корана они не знали (эта книга в СССР фактически не издавалась и не продавалась), намаз не совершали, основные обряды не соблюдали. По переписи 1989 г., в Чечне было 12% верующего населения, действовало 13 мечетей и имелось одно учебное мусульманское заведение.

Как и во многих других современных вооруженных конфликтах, религиозный фактор оказался самым прямым образом вовлеченным в события в Чечне, хотя на начальном этапе религия и религиозные лозунги были далеко не самыми главными. Последнее объяснялось прежде всего советским атеистическим наследием. Чечня в полной мере получила свою дозу идеологического иммунитета против религии как “опиума для народа”.

УХОД ИСЛАМА

В советский период Чечено-Ингушетия подверглась мощной деисламизации. Местная партийная и советская власть считала антирелигиозную пропаганду одним из приоритетов идеологической работы. В Чечне в последепортационные годы одним из ведущих критиков религии, ее “реакционных проявлений”, был сам Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушетии Хажбикар Боков. Он являлся партийным идеологом в ЧИАССР в 1960–1980 гг., начав работу с должности партийного инструктора-пропагандиста. Его слова и поступки вместе с деятельностью других пропагандистов атеизма значили многое. Они наверняка вызывали разную реакцию у населения республики, но все-таки доминировали подчинение или конформизм: оппозиция или протест фактически исключались.

В московской квартире Бокова я записал одну из наших бесед. Тема религии не доминировала, и Хажбикар, по моему мнению, сам не считает, что антирелигиозная пропаганда была основным делом его жизни. И все же в его словах и сегодня сохраняется некая убежденность: *“Все эти сектанты меня как огня боялись, когда я их разоблачал. А я говорил обо всем открыто и резко. Они все по своим нормам забивались и боялись показываться”*.

Подтверждение этим словам я нашел в публицистических статьях Бокова, которые регулярно печатались в самых известных центральных журналах, в том числе в таких, как “Наука и религия” и “Коммунист”. Приведу несколько цитат, которые отражают установки чеченского руководства тех лет и отчасти саму ситуацию в республике.

«Муллы твердят: тот не чеченец, не ингуш (не кабардинец, кумык, аварец и т.д.), кто, например, не совершает пятикратный намаз, обратив свой взор в сторону Мекки. Несостоятельность этого утверждения о национальной принадлежности того, кто совершает намаз, доказать нетрудно. Но посмотрим на молитву еще и с другой точки зрения. Много ли успеет в жизни человек, который все время должен забывать о земном, реальном, думать лишь об Аллахе, как этого требует Коран от верующего? Его энергия скована, он не может быть активной личностью. Ислам, как и любая другая религия, враждебен человеческим дерзаниям, жизненной активности... Возьмем, к примеру, религиозные праздники – обычай отмечать их служители культа у нас также называют национальной традицией чеченцев и ингушей. И здесь у них в ходу та же формула: “Если не соблюдаешь уразу (курбанбайрам, мавлюд и т.д.), – ты не чеченец, не ингуш и т.д.”. Наши атеисты немало сделали, чтобы вскрыть антинародную и антинациональную сущность мусульманских праздников, много у нас об этом писалось и пишется. Мне же хочется подчеркнуть здесь одну особенность религиозных традиций: в религиозном празднике человек всегда унижен, безволен, выступает в роли просителя. Соблюдая ритуал праздника, он ублажает бога (или святого), чтобы заслужить его милость, благосклонность. Я убежден, что как раз эта

черта мусульманских праздников и обрядов идет вразрез с истинно национальным характером горцев – их независимостью, гордостью, умением с честью и достоинством выходить из трудных ситуаций. Не говорю уже о том, что религиозные праздники отчуждают людей разных национальностей друг от друга»⁶.

«В прошлом религиозно-похоронный обряд был направлен на то, чтобы в минуту сильных переживаний представить земную жизнь человека ничтожной, закрепить мысль, что только религия указывает ему путь к душевному спасению и бессмертию. Родители и родственники умирающего по мусульманскому обычаю нередко приглашают муллу, чтобы он благословил его, “дал ему символ веры”. Процедура этого обряда заключается в том, что приглашенный мулла произносит заученные фразы у изголовья умирающего, провозглашает его верующим, независимо от того, верующий он или атеист. Определенную роль здесь играют родственники и близкие. Считается обязательным принесение в жертву одной–двух голов крупного рогатого скота и раздача мяса жителям села или улицы. Называется этот ритуал предпохоронной жертвой. Размером этой жертвы окружающие определяют отношение близких и родных к умершему, тем самым вызывая дух нездорового соревнования в уничтожении скота, во втягивании людей в большие расходы»⁷.

Подобных идеологических предписаний в Чечне производилось в большом количестве. Наивно полагать, что они не оказывали своего воздействия. Сегодняшние представления о Чечне как об “исламской республике” и о чеченцах как о ревностных последователях ислама являются постфактическими рационализациями или упрощенной романтизацией со стороны экспертов и политиков. Ситуация в Чечне до конфликта и во время войны была не столь однозначной.

До 1991 г. республика в большой степени разделяла общую характеристику советского общества как общества преимущественно секулярного и даже атеистического. Как известно, в последнюю перепись 1989 г., проведенную в СССР, был включен вопрос о религии. Однако его формулировка (“*Верите ли Вы в бога и если да, какую исповедываете религию?*”) дает достаточное смутную картину религиозной жизни в СССР⁸. Не очень понятно, что означали данные о наличии 12% верующих населения Чечено-Ингушетии и сколько из этого числа приходилось на православных и на мусульман. Более того, вообще трудно применять категорию “верующий” в качестве категории анализа для ситуации советского периода, ибо это понятие тогда имело отличный от нынешнего или от общепризнанного смысл.

Как рассказал Рустам Калиев, “по крайней мере, среди наших семейных друзей и знакомых таковых (верующих. – *В.Т.*) не было. При этом мы все считали (и считаем!) себя мусульманами”. В семье Рустама, постоянно проживавшей в Грозном и в его пригороде Ермоловке, совершала намаз и держала ежегодно месяц поста только

мама, которая родилась в 1941 г. Она была членом КПСС с 1970 г. и работала в партийных органах. Была депутатом советов всех уровней в ЧИАССР. Но при этом мама Рустама учила всех своих семейных детей (двое старших родились еще в депортации в Казахстане) некоторым аятам из Корана. Она делала это по памяти, так как арабской письменности не знала, и книги Корана в доме Рустама никогда не было. Даже в период расцвета пропагандистской борьбы с религией (1960–1970 гг.) мама Рустама – и только она одна в семье – молилась. Никому в семье вера не навязывалась. “С возрастом сами к ней придут”, – говорила эта женщина. Зато, как рассказал Рустам, чеченские (вайнахские) адаты соблюдались ревностно и переступить их считалось самым большим позором⁹. Например, не встать, когда войдет взрослый (независимо от степени родства, пола и социального положения).

«Это было Царство Старших, где прекрасно жилось Молодым. К нам часто приходили серьезные строгие люди. Это были чеченцы и ингуши, занимавшие разные посты в Совмине и в других “хлебных местах” ЧИАССР. Во время разговора на чеченском языке они часто произносили определение Бог, но без имени, т.е. без слова Аллах, которое я слышал очень редко. Произносилось слово “дела” (на чеченском буквально “Бог”), и оно звучало очень часто. Обычным делом были молитва перед и после еды, перед сном, перед и во время поездки куда-нибудь. Но! При этом все делалось всегда тихо, почти шепотом, а при посторонних – почти незаметно. Не думаю, что здесь была опаска. Скорее – такая была мода, когда излишне верующий выглядел не особенно цивилизным. Не помню, чтобы этот вопрос как-то обсуждался среди близких и знакомых» (Рустам Калиев).

Это важное свидетельство молодого чеченца – ровесника тех, кто поднял “знамя ислама” в середине 1990-х годов. Современное поколение чеченцев выросло в советской школе, которая была воинствующе атеистической. Ни в одном из интервью с чеченцами не было даже упоминания о религии или слугителе культа в школьной и вообще в молодежной жизни 1970–1980-х годов. В детстве мама Рустама запрещала отмечать 23 февраля – День Советской Армии, так как он совпадал с датой депортации вайнахов. Праздники уразы, курбан-байрам проводили в основном дома. В грозненских школах это не так было заметно: помимо чеченцев и ингушей здесь две трети составляли дети других национальностей. А вот сельские школы почти пустовали в дни исламских торжеств.

«Завучи на второй день устраивали “линейки”, собрания родителей, внеклассные “развивающие часы”, но это было скорее дополнительное ощущение праздника и желание веселиться, чем осознание ислама в празднике. Другими словами, это был (и есть!) повод для дополнительно к каникулам и к большим праздникам веселья и отдыха.

При всем этом уважение к исламу было явным: запрещалось приносить клятвы с использованием аятов Корана. На 98% все обряды: свадь-

ба, похороны и даже проводы в армию и обрезание проходили согласно традиционным религиозным столпам. Кроме центра Грозного даже в городе подавание (подношение) соседям по четвергам было обычным явлением. А в селах не подающие соседям по четвергам граждане считались презренными. Например, в Ермоловке мои соседи (немцы, русские, евреи, украинцы) тоже по четвергам подавали соседям, следуя примеру чеченцев» (Рустам Калиев).

Этот чеченский обычай я испытал на себе, когда однажды уходил из дома Гакаевых в четверг после поминального по сыну угощения и Яха дала мне в дорогу торт собственной выпечки со словами “У нас так положено”.

Исламская бытовая традиция накладывала свой отпечаток на более строгие взаимоотношения полов, особенно мальчиков и девочек. Так, во многих школах Чечено-Ингушетии в 1980-е годы было не принято исполнять на школьных вечерах танцы, где мальчики могут касаться девочек: танцевали национальные танцы или современные групповые. В отсутствии учителя танцевали и парами¹⁰. Но и учителя были разными. Хеда Абдуллаева вспоминает девочку в их классе, семья которой была из дальнего горного села. Эта девочка никак не хотела сидеть за одной партой с мальчиком, но классная руководительница – женщина очень жесткая – заставляла ее это делать. Даже родители приходили и за нее просили, но все равно ничего не помогло. Пришлось ей сесть рядом с мальчиком. Никаких упоминаний религии или отправления обрядов в стенах чеченских школ не было. По свидетельствам многих очевидцев, даже в горных селах муллы не заходили в школы. Школа была форпостом светскости и советскости.

Уход ислама из жизни чеченцев, вернее распространение атеизма, вызывали не только недовольство верующих и особенно мулл, но и были причиной межпоколенческого конфликта. Джабраил Гакаев вспоминает единственный случай серьезного недовольства им, когда его отец Джокала узнал, что Джабраил как университетский преподаватель читает курс марксизма-ленинизма, который включает научный атеизм.

“Отец, который всю жизнь был глубоко верующим, никак не мог принять, что кто-то из близких пропагандирует идеи атеистического коммунизма. Он был мрачным и очень недовольным в тот момент. Хотя отец никогда не пытался навязать представления о жизни своим детям”.

“НОВЫЕ МУСУЛЬМАНЕ”

Еще до перестройки интерес к исламу и к его политической идеологии оживился в связи с исламской революцией в Иране, но этот внешний фактор не был столь значимым. Изменила ситуацию горбачевская либерализация, особенно по части большей свободы

деятельности мечети, внешних религиозных связей, совершения хаджа и распространения религиозных текстов. Коран был издан многократно, в том числе и в Чечне, завозилась другая литература. Главными поставщиками Корана на русском языке и с профессиональными комментариями были московские ученые-востоковеды и академические издатели, для которых это было одно из немногих окупаемых изданий.

Главными организаторами первых массовых хаджей из России были лидеры новой российской демократии, в том числе и Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатов. В начале 1990-х годов первые желающие уехали за границу для учебы в медресе. Интерес к религии стал особенно заметен среди чеченской молодежи.

Эти оценки совпадают с полученными мною свидетельствами. Один из чеченских рецензентов отметил взрыв интереса к изучению Корана и к основам ислама вообще с середины 1980-х годов.

«Ближе к 1990 г. уже было модно умение читать по-арабски, знать основные аяты Корана наизусть, носить тюрбетейку, совершать намаз, держать пост и т.п. В те годы бум на знание ислама был похлеще, чем бум в Москве на знание английского языка! Однако очень скоро выяснилось, что умение читать Коран и демонстративный ислам имеют мало общего с духовной чистотой и с реальными делами “новых мусульман”. Период 1992–1994 гг. был временем выдвигания броских лозунгов и прочей показухи при полной противоположности того, что творилось в реальности! Люди это быстро почувствовали. Если в 1990 г. зикр перед камерой или на площади Мансура в Грозном выглядел демократичным, затрагивающим чувства и воспринимался с удовольствием и интересом, то в 1992 г. этот же зикр и на той же площади многие стали воспринимать как надругательство над исламом. Настолько была подпорчена репутация “новых мусульман” Чечни! Этих людей начали называть “мехк-кхелла”, т.е. буквально “национальный мусор”. 1992 год был богат на эти самые “мехк-кхел”. Организаторами всех этих акций с зикром в Грозном были все те же господа. Многие из участников тех акций были с очень нечистоплотным прошлым и таким же порочным настоящим» (Рустам Калиев).*

До войны ислам в Чечне не обрел политического смысла. “Религиозное возрождение” шло параллельно с другими процессами. Общественные “неформальные” движения, а позднее и движение за независимость проходили под светскими лозунгами. Хотя среди первых общественных организаций была партия “Исламский путь”, но программные документы этой и других партий фактически были переписаны с аналогичных документов прибалтийских, украинских и других аналогичных организаций. Как признает Зелимхан Яндарби-

* Ироничный смысл получался при добавлении ударного окончания *a* к чеченскому словообразованию *мехк-кхелл* (буквально – Национальный суд), ибо слово *кхелла* означает по-чеченски мусор.

ев, “к тому же уставы и программы многих движений были просто переписаны друг у друга. В частности, чечено-ингушские неформалы переписывали свои программы из российских, балтийских, закавказских неформальных движений”¹¹.

Декларация о суверенитете и дудаевская конституция были сугубо светскими документами, в которых ссылки на ислам отсутствовали. В президентской программе Джохара Дудаева нет упоминания ислама. На сцене чеченской революции Коран появился 9 ноября 1991 г., когда во время церемонии принятия присяги президентом председатель совета старейшин республики Сайд-Ахмад Азимов торжественно вынес на сцену Коран. «К микрофону поднялся Джохар Дудаев. Он зачитал текст присяги. Грянула овация и возгласы: “Аллаху акбар!” Взоры всех были устремлены на Президента, Коран и красочный штандарт Чеченской республики Нохичо. У многих на глазах были слезы радости: сбылась вековая мечта народа о своей государственности!»¹²

Отношение Дудаева и его окружения к исламу было сдержанным и достаточно смутным, сами лидеры оставались людьми неверующими. Никто из очевидцев не упоминает молящегося чеченского президента или исламскую атрибутику в служебных и домашних помещениях. Зато Дудаев не пропускал ни одной премьеры в республиканском драматическом театре. Любил живопись и поэзию. “Его служебный кабинет ходил часто на картинную галерею, где на первом плане оказывались полотна местных художников на историко-патриотическую тему”¹³. Т. Абубакарова пишет:

“Безуспешность ординарных попыток совладать с обстановкой в постсоветском гражданском обществе становилась очевидной не только для недругов Дудаева, но и для его друзей, представленных в большинстве своем простыми, добропорядочными людьми. Эта часть общества потянулась к исламизации государства. Участились призывы заменить Конституцию Республики Кораном, а Дудаева – возвести в сан Имама. Какое-то время Дудаев не обращал внимания на такого рода веяния, но однажды – это было на последнем предвоенном съезде чеченских старейшин – высказал свое мнение. Оно было не в пользу нетерпеливых исламистов”.

Далее Абубакаров приводит выдержку из выступления Дудаева:

“Коран и Имамат – дела святые и негоже все толковать о них. Всему свое время. На свете немало мусульманских стран, но лишь единицы из них живут строго по шариату. К тому же не каждый чеченец мусульманин. Это мы с вами уже хорошо знаем. Корни ислама у нас сильно подорваны коммунистами, и восстановить их ни за час, ни за год невозможно. Я уважаю Вашу настойчивость, но считаю ее преждевременной. Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник этого съезда сохранит голову и руки. Вы к этому не готовы и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану – в душах, по Конституции - в жизни”¹⁴.

З. Яндарбиев в своем обширном сочинении про “битву за свободу” также ничего не пишет о религиозной стороне событий в Чечне, кроме ритуальных упоминаний ислама. Взгляд одного из ведущих идеологов чеченской революции – это вузовские прописи о национально-освободительном движении и о социально-классовых закономерностях исторического процесса. Только в предисловии к книге, изданной в 1996 г. во Львове, появляются более категоричные отсылки к исламу:

“Подвиг чеченского народа и конкретных лиц, их героизм и беззаветная преданность Родине, идее независимости, готовность к самопожертвованию на пути священного газавата во имя Аллаха, надеюсь, будет предметом будущих книг и не только автора настоящей, а многих участников событий 1991–1995 годов”¹⁵.

Украинский редактор книги, журналистка Мария Базелюк уже однозначно представляет портрет чеченского лидера в исламском контексте:

“Немногочисленная чеченская элита, к которой принадлежит Зелимхан Яндарбиев, обладает замечательной способностью, обретая высокий интеллект и утонченный вкус в области изящных искусств, сохранять храбрость воина, гражданское мужество, и решительность в действиях, глубокую религиозность. Именно Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело и от боязни смерти... Философия жизни и смерти по исламу во все времена способствовала тому, что ислам, будучи верой, стал одновременно и движущей национально-политической силой в освободительном движении поработенных народов”¹⁶.

Эта откровенная апологетика чеченского лидера украинским радикал-националистом не соответствует тому, что происходило в Чечне с религией в период конфликта. Обращение к исламу имело утилитарную цель как для властей, так и для служителей культа. Последние, представленные в основном старшим поколением, хотели получить больше власти через ислам и больше вознаграждений от осуществляемых перемен. Яндарбиев так описывает момент прихода Дудаева к власти и начало нового чеченского государственного строительства. По его словам, в политической сфере тогда царил хаос.

“Все бросились предлагать, советовать, требовать и диктовать, что нужно делать Президенту и Парламенту. Часть мехк-кхел прямо даже предъявила притязания на верховную власть. Делегация мехк-кхел с ультиматумом заявила на заседание Парламента. Попытки объяснить, что такое власть и общественная организация, Парламент и его место в иерархии государственной власти, были восприняты как оскорбление мехк-кхел и желание его игнорировать, использовав в период борьбы за власть. Демарши подобного характера предпринимались Адизовым и некоторыми его сподвижниками не раз и в последующем. Но справедливости ради необходимо подчеркнуть, что делалось это, в большинстве случаев, из-за чистых заблуждений, хотя пользовались этим люди далеко не заблуждающиеся, но

имеющие совсем далекие от идеи независимости, свободы и справедливости цели, а то и прямо противоположные. А мехк-кхел в своей основе и в основных действиях был защитником независимости, хотя своими действиями, часто похлеще анархистов, отрицал государство и прочие необходимые институты укрепления независимости. Но это была общенациональная наша беда¹⁷.

Что касается восприятия ситуации снизу, то я имею свидетельство 40-летнего архитектора из Грозного, бывшего коммуниста, затем активного участника общественных движений и, наконец, симпатизирующего движению ваххабитов.

«В этой войне религия используется в качестве идеологического оружия очень нечистоплотными людьми, которых, опять-таки, знает вся республика. Нельзя быть искренне верующим человеком и быть вне морали. К сожалению, среди духовников было очень много таких. Дудаев запугал сотрудничавшую еще при советской власти со спецслужбами часть духовенства и потом вил из них веревки. Он презрительно называл это духовенство “матросами революции”. Он сформировал из него совет страны – мехк кхел, который прославился тем, что члены его обрыскали все склады и сусеки, неистово обогащались взятками. В конце концов глава совета получил пулю в рот. Однако коррупция, продажность этой части духовенства даже возросли.

Ради справедливости надо отметить, однако, что как протест, как ответная реакция на проделки этого нечистоплотного духовенства возникло объединение “Джамаат” (“Согласие”), которое провозгласило своим принципом моральную чистоту, газават, возвращение к чистому, первоначальному исламу. К ним примыкают ваххабиты, которые отрицают народную религию – суфийский ислам. Но это движение только еще складывается. Я не знаю, к чему оно приведет. Но вот что интересно: казалось бы, нечистоплотность духовенства должна была вызвать религиозное смятение, смущение, а на самом деле обращение к исламу становится повсеместным» (Тимур Х.).

И все же, вопреки распространенному мнению о росте чеченской религиозности, где-то с 1992 г. теряется интерес к религии, который ранее проявился у населения, преимущественно среди молодежи. Произошло это, как выразился Рустам, прежде всего по причине деятельности “порочных дядей-мулл”:

«Была потеряна таинственность, непоколебимость и трепетность в отношении к религии. Ислам перестал быть притягательным. Зато появился новый курьез под названием ваххабиты. До этого о них никто и ничего не знал и даже слово такое не слышал. В чеченских городах и селах сначала воспринимали как “живой цирк” появление ваххабитов в непривычных одеждах, с бородами и длинными волосами. Интерес появился к ним после почти скандальной фразы, сказанной Дудаевым по поводу какой-то акции религиозных экстремистов: “Пусть сидят у себя дома и совершают положенные три намаза в день и не вмешиваются в политику”».

Первыми забили тревогу имамы мечетей – хранители ислама суфийского толка, которые в большинстве своем оставались в те-

Чеченцы совершают намаз (Фото Козырева)

ни и сторонились политики. До этого они действовали в местах проживания и ограничивались дежурными призывами о необходимости укрепления власти в республике. Деятели таррикатистского ислама вплоть до 1996 г. удавалось сдерживать религиозных экстремистов. Ваххабиты терпели поражение в идеологическом противостоянии с традиционным духовенством Чечни, и к 1996 г. о них почти забыли. Наоборот, тарикатный ислам заметно укрепился и стал на виду, хотя, кроме запрета на алкоголь, чеченское духовенство не стремилось радикально изменить светский образ жизни в республике. Его требования носили умеренный характер и были направлены на создание удобств желающим молиться в любом месте. В учреждениях и организациях стали открываться моленные комнаты. Однако по причине общей разрухи новые мечети фактически не строились.

Следует отметить, что массовое обращение к исламу в период войны стало проявлением одного из наиболее фундаментальных человеческих феноменов – эмоций, вызванных неординарными обстоятельствами, которые были неподконтрольны рядовому человеку. Очень многие рассказы чеченцев заканчиваются взыванием к богу, всевышнему, который – и только он – “разберется”, “накажет”, “поможет”, “воздаст должное” и т.п.

“Роль религии заметно усилилась, вера – единственное, что сохраняло людей. По логике вещей всё, что происходило не вписывалось ни в какие рамки. Люди повернулись к богу. Никогда не забуду, как в Шатое пятилетний ребенок просил у всевышнего пощадить всех” (Элина С.).

“Религия являлась единственной консолидирующей силой. Пост соблюдался очень ревностно, даже те, кто раньше не придерживались, стали соблюдать. Хоронить не всегда удавалось в день смерти, приходилось хоронить в других селах, так как путь на родовые кладбища оказывался очень опасным. Зикр на площади – чистая показуха. Слово зикр в переводе с арабского означает упоминание Аллаха. Мне кажется необязательно устраивать из этого спектакль” (Рамзан Дж.).

ПРИХОД ВАХХАБИЗМА

Распространение ваххабизма в Чечне началось с появлением в республике первых выпускников исламских университетов, а также через приезжих выходцев из арабских стран. Его опорной базой стал Дагестан – пограничная с Чечней территория, населенная в основном аккинцами, аварцами и даргинцами. Слабая до этого религиозность чеченского общества стала фактором в пользу распространения радикального (упрощенного, “чистого”) ислама в период войны и жестоких потрясений, когда люди готовы принять любые постулаты, сулящие обещания перемен и реальные деньги.

В такой форме ислам пришел в современную Чечню уже в ситуации, когда потребовались более мощные средства мобилизации, чем президентские указы, а страх, утраты и тяготы участия в вооруженных действиях требовали процедуры религиозной терапии. Исламские символы чеченских боевиков более четко отделяли врага от своих и расширяли круг внешней солидарности. Так появились зеленые головные повязки, возгласы “Аллах акбар!”, транслируемый с площади на протяжении всех лет войны танец зикр с белобородым стариком, исполнение боевиками намаза и религиозного танца перед видеокамерой. Ссылка на религию понадобилась для обеспечения солидарности, укрепления дисциплины, освящения вооруженного сопротивления и жертвенности в “священной войне во имя Аллаха”. Появились исламские обозначения отрядов чеченских боевиков: “Волки ислама”, “Воины ислама”, “Джихад”, “Джамаат”.

Чеченцы, не успев в должной мере вернуться к традиционному для них исламу суфийского толка, оказались под сильным внешним воздействием сторонников “чистого ислама”, который получил собирательное и жаргонное обозначение *ваххабизм*. Фундаменталистский прозелитизм был хорошо оплачен главным образом из саудовских источников и обращен прежде всего к молодому поколению. Именно этот воинственный вариант ислама оказался более всего притягателен для чеченских боевиков.

О доктринальном содержании чеченского (точнее северокавказского) ваххабизма судить довольно сложно. Никто из информантов не смог ответить на этот вопрос более или менее обстоятельно. Один из чеченцев передал мне номер газеты “Наша неделя” (де-

кабрь 1999 г.), которая, видимо, издается дагестанскими ваххабитами. Основываясь на ней и на некоторых других источниках, можно так изложить основные противоречия и претензии ваххабитов традиционному исламу суфийского толка:

“Суфисты говорят, что их шейхи-устазы (учителя-наставники) знают сокровенные тайны, но это противоречит Корану. Если перечислить все аяты из книги Аллаха, в которых он Сам говорит, что тайное ведомо только Ему и что Ему оно принадлежит, таких аятов очень много. Поэтому мы утверждаем, что тайного не знает никто, кроме самого Аллаха, а пророки могут знать только то, что сообщает им Аллах. Суфисты же утверждают, что их устазы знают все и даже у себя дома боятся шепнуть что-нибудь про них. Они якобы могут услышать про это, несмотря на расстояние и на язык, на котором слова будут сказаны. Это означает, что суфисты наделяют своих учителей-наставников качествами самого Аллаха.

Суфисты говорят, что между Аллахом и его рабами в роли посредника должен выступать шейх. Это утверждение они сделали одним из столпов своих тарикатско-суфистских идей. А мы говорим, что это не уместается в рамки ислама. Суфисты делают из шейха секретаря или привратника, утверждая, что обращенная к Аллаху через устаза (шейха) молитва доходит до Аллаха быстрее. То, что делается устазами, это похоже на христианство, где имеет место посредничество, индульгенция в прощении грехов и прочее.

Суфисты утверждают, что их устазы застрахованы от ошибок, что они не грешат и что ими управляет сам Аллах. Это не соответствует исламскому убеждению. Мы, джамаат (ваххабиты сами называют себя *салафийон* – идущие по пути предшественников, а своих единомышленников и свою общину – джамаат), говорим, что застрахованным от ошибок Аллах создал лишь одного пророка. Мы, джамаат, призываем всех людей не попадаться в капкан многобожников. Нам, членам джамаата, понятно стремление устазов к тому, чтобы как можно больше людей попало в их подчинение ради их личных земных благ. Если люди отвернутся от устазов, то устазы потеряют свои положение и авторитет, основанные на лжи. Боясь этого, они в лице джамаата изображают врагов и ведут с ними борьбу, называя нас ваххабитами.

Некоторые власти сотрудничают с суфистами и препятствуют выходу джамаата к широкой общественности через печать и другие средства массовой информации, ссылаясь на расхождения в понимании ислама. На самом деле это суфисты-тарикатисты действуют вне Корана и Хадиса (предания последователей – авторитетный источник исламского вероучения)”.

Ваххабиты предложили, казалось бы, диковатые и неприемлемые для жителей Чечни взгляды и нормы поведения: обязательные моления, арабская одежда, запрет на бритье лица, отказ от устазов и от чеченских адатов, пересмотр статуса женщин и поведения в обществе. Еще в 1996 г. как диковинку население воспринимало редкое их появление женщин с закрытым лицом. Это было немыслимо для чеченских женщин, в большинстве своем образованных, работающих и достаточно эмансипированных. И все же послушаем голоса некоторых информантов:

“Уже в конце войны сошелся я с арабами. Мне понравился этот народ. Они говорили, что приехали, чтобы исправить нашу религию^{*}. Меня устраивало, что они упрощали молитву: сокращаются ракяты, меньше времени уходит на омовение, а после молитвы никого не надо поминать и просить о помощи и заступничестве. Арабы говорят, что бог, один и никто, кроме него, не поможет никому, ни живым, ни мертвым. А у чеченцев много разных святых. Чеченцы почитают предков и живых, и мертвых. И даже встают, когда приближается кто-нибудь старший по возрасту. Арабы говорили, что это не вытекает из религии. Мне все это нравилось, это меня устраивало, потому что человек я занятой. А время, как говорил один человек по телевизору, это деньги. Я все время в разъездах, в делах, в торговле. За то, что я принимаю новую веру, чистую веру, арабы давали мне деньги, как подарок. А потом сказали, что если я приведу новых двух людей в нашу религию, то дадут по 5 тыс. баксов за каждого человека. Я привел своих родственников с Дагу-Барзоя. Им дали по тысяче, а я заработал 10 тыс. баксов” (Рамзан Б.).*

“Моя сестра стала заправской мусульманкой: оделась в исламскую форму, а потом вступила в женский батальон. К нам стали приезжать арабы^{*}. Они нам открыли глаза. Оказывается, нашу религию засорили муллы. Арабы говорили, что все мусульмане едины независимо от нации. Что нации вообще не надо различать. Мусульманин в любой стране должен себя вести так, как это была бы его родина. Арабы учили нас, что не надо почитать предков, что это бесполезно. Что ушедшие предки и даже сам Пайхамар (пророк) ничем не могут помочь другим людям ни на этом, ни на том свете. Раньше и в религии делались различия. Большинство чеченцев придерживались учения Кунта Хаджи**^{*}. Другие приверженцами Накибандия. Арабы говорили, что все это неправильно. Мне это тоже было не по душе. Они вели среди нас пропаганду, и кто переходил на их сторону, получал даже деньги. По примеру арабов мы все отпустили бороды. И мы действительно все стали равными.*

Мне нравилось, что арабы хотели воевать, пока не освободят весь мир от гяуров. Из-за этого некоторые спорили. Но арабы говорили, что

* Чеченский кросс-рецензент: “Только услышав эти слова насчет очищения религии в Чечне, ваххабитов очень часто верующие изгоняли из мечетей, не желая больше слушать их разговоры” (Рустам Калиев).

* Чеченский кросс-рецензент: “Здесь явный отход от чеченских адатов, которые запрещают категорически женщине заниматься мужским делом. Поэтому женский батальон был самым неприличным местом в современной Чечне! А то, что к ним в семью стали приходять арабы, наводит на мысль, что братья и отец этой женщины были настолько ничтожными и неуважаемыми людьми среди знакомых и близких, что им было безразлично мнение о чести женщины в их семье. Иначе сложно объяснить подобное поведение” (Рустам Калиев).

** Кунта Хаджи – один из самых известных устазов. Устазы у вайнахов – святые люди, обладавшие исключительными (но не сверхъестественными) качествами. Они были миссионерами, распространителями ислама среди чеченцев и ингушей. В благодарение их упоминают в молитвах, во время исполнения зикра или в молитвенных песнях (мовлид). Кстати, ислам суфийского толка подразумевает совершение дополнительного числа молитв, помимо требуемого от мусульманина минимума. Этим он сложен и неудобен для ваххабитов.

газават должен продолжаться до тех пор, пока все христиане не перейдут в ислам. Это большой газават. Малый газават – это когда мы победили гяуров. Большой газават – это когда умы всех мусульман повернутся в сторону учения Абд-Аль-Вахаба. Тогда исламские страны станут одной родиной всех мусульман.

Потом наш великий Бятччи (предводитель), посланный нам с неба, погиб в бою. И мы все его оплакивали. Моя мать даже заболела и вскоре умерла. Но все равно наше дело победит. Потому что нас научили истинной вере. Сначала нас называли ваххабитами. Потом сказали, что правильнее будет назвать джамаатом. Но, по-моему, от перемены слов ничего не меняется. Мы будем воевать против всех неверных, как говорил Джохар Дудаев” (Шамиль А.).

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

С окончания войны в августе 1996 г. идею исламизации общества и государства стали разделять все религиозные течения и направления. На предприятиях, в учебных заведениях были открыты молебные комнаты, стали вывешиваться религиозные лозунги. Вместе с шариатскими судами стали действовать подразделения шариатского наказания. Духовное управление (муфтият) лояльно относилось к существующей власти. В свою очередь власть в Чечне старалась теперь опираться на духовенство. Наблюдалась состязательность сторонников традиционного шариата и ваххабизма за навязывание государственным учреждениям, образованию, общественно-бытовой жизни норм и ценностей ислама.

Для послевоенного периода характерна большая определенность в отношении к исламу, который стал официальной религией новой власти. Правительство Масхадова воспринимало ваххабизм отрицательно, но реально противостоять ему было не в силах. В январе 1998 г. после избрания Масхадова президентом Чечни последовали демонстративные казни по приговору шариатского суда. Религиозная атрибутика стала повсеместной, в том числе и в государственных учреждениях. Отныне в школах изучался Коран. Были введены некоторые исламские нормы семейно-бытовых отношений, правового урегулирования, а также одежда. Бывший советский офицер Масхадов в январе 1999 г. объявил шариатский закон основой порядка в Чечне. Миссионеры из Саудовской Аравии и других стран повели настойчивую пропаганду фундаменталистского ислама. На это в разоренной Чечне расходовались большие деньги.

Все вводимые новшества, скорее чисто внешнего свойства, внедрялись под дулами автоматов. В принципе такие воленавязывания мало чем отличались от антирелигиозной деятельности предшествующих десятилетий. Приведем несколько высказываний, которые дают дополнительную информацию. Особенно поразителен рассказ молодого чеченца – последовательного ваххабита. В нем есть все:

убежденность в правильности выбранного пути и готовность пройти его до конца (победа мусульман во всем мире), цинизм бедного человека при выборе религиозного пути как формы молодежной группировки, абсолютно новый для Чечни конфликт отцов и детей по поводу исламского канона, увлеченность новыми чертами “исламской чистоты”.

«Учителя говорят, что наша религия самая правильная в мире. И что все народы примут ее рано или поздно. Я между прочим заставил принять ислам двух русских ребят. Сейчас они живут в России. Когда я видел пленных, то договаривался с командиром, конечно, за благодарность, чтобы он разрешил мне обратиться желающих в ислам. За тех двоих мне отвалили приличный куш. Теперь они у себя дома распространяют нашу веру. Вот так.

...Отец мой был мюридом-кунтахаджинцем, и раз или два в году у нас устраивали зикры в доме. Народу приходило уйма. На это изводилось много скотины, чтобы угостить братьев-мюридов. Люди после зикра спускают много пота и много едят мяса. При нашей тогдашней бедности это было непозволительно. Я сказал отцу, что не намерен тратить свои деньги на такие сборища. Отец некоторое время сопротивлялся, а потом согласился. За это мои новые друзья подарили ему новую “шестерку”. Но я получил “джип”. Арабы думали, что после этого многие последуют нашему примеру. И действительно, некоторые отошли от зикристов. Им тоже дали деньги. Правда, машины они не получили. Разве на всех напасешься машин. Но им обещали бесплатный хадж в следующем году.

Конечно, не все хорошо к нам относились. Да и сейчас многие нас ненавидят. Они понимают, что теперь пришло наше время, теперь мы наверху, теперь мы верховодим. “Цхъа де берзяхъ а цалъятта” – “Не каждый день и волку сытым быть” (аналог русской поговорки “Не все коту масленица”. – В.Т.). Не доволен нами и мулла. Он слывет ученым, алимом. Пока село за ним идет. А то мы давно его сковырнули бы. Ну и что из того, что он ученый? Наши учителя говорили, что много науки ни к чему. Это только запутывает. Мне и так все ясно. Наше дело – поступать так, как говорят наши учителя. Все равно верх будет наш. Вон урус-мартановцы все годы были против Дудаева, посадили префектом нашего человека, он нам отвел здание. И мы без единого выстрела заняли это большое село. Правда, они наших там убивают потихоньку. Но и мы не остаемся в долгу. Там у каждого третьего ваххабита или иномарка, или “шестерка”. Народ-то видит, что дает новая религия. Со временем все будут богатые. Так наши учителя говорят. Наша семья живет теперь по новым законам. Женщины носят арабскую форму. Мужчины тоже следуют форме. Требование нашей чистой религии. Лица мусульманина (чистого) не должна касаться бритва. Вон у моего брата борода жидкая, всего три волосинки, но он ее не бреет. Потом мы носим рубахи навыпуск поверх брюк, чтобы срамные места прикрывать. Брюки мы закатываем или направляем в носки, ибо у мусульманина брюки (одежда) не должны быть ниже щиколотки. В противном случае одежда не может считаться чистой для намаза.

Ты называешь нас ваххабитами. Я тоже чуть было так не выразился. Но теперь наши учителя говорят, что мы джамаатовцы. Во-первых,

мы исповедуем самую чистую религию. А во-вторых, мы выступаем как объединенные братья не только против неверных, но и против заблудших мусульман. С нами сейчас большинство командиров. Удугов, хотя он и не был командиром. Мы сначала завоюем Кавказ, начиная с Дагестана, а потом и весь мир.

Нам, конечно, не легко. У некоторых наших джамаатовцев родители препятствуют детям идти по истинному пути мусульманина. Когда мой друг Бейбулат заявил отцу, чтобы он больше не ходил на зикр, отец не послушался. И пошел-таки на четверговой зикр. Когда он вернулся, Бейбулат не встал при его входе в дом. Был большой скандал. Бейбулат сказал отцу, что не может больше жить под одной крышей с отступником. И той же ночью ушел из дома. Мы все, его братья по вере, купили ему дом в Грозном, а будет жениться, купим всю обстановку и машину. Хотя у Бейбулата есть свои деньги, но у нас заведено такое правило – помогать друг другу в этих условиях неприятия окружающими» (Рамзан Б.).

НОВЫЙ РАСКОЛ

Каковы были возможности утверждения в Чечне “джамаатовцев” до начала второй войны – сказать довольно трудно. Среди информантов есть Тимур, 40-летний архитектор из Грозного. Не воевал, зато участвовал в разных политических движениях. Тимур приверженец накшбандийского тариката в суффикзме, но после 1996 г. симпатизирует и ваххабитам. То, что ваххабизм против суффикзма, его мало смущает. Он считает, что ваххабиты против крайностей суффикзма. Однако порвать с суффикзмом, действительно народной религией чеченцев, он не решается скорее всего из-за опасения перед осуждением близких и окружающих. *“Ваххабиты правы, – считает Тимур, – когда выступают против превращения глав суфийских братств в идолов. Чистый ислам – это единственный выход из создавшейся ситуации”.*

Гораздо свободнее и циничнее в своем поведении в отношении религии оказываются молодые люди.

“Те, кто симпатизирует или вливается в ряды ваххабитов, на 80% ребята из неблагополучных семей, где приверженность чеченским адатам слабая или совсем отсутствует. Часто эта категория людей даже не знает чеченского языка, либо знает его плохо. У них практически нет родственников, или родственные связи не поддерживаются. Ислам они изучают по переводам 2-жи Крачковской и других, т.е. по русским переводам. Наконец, основной стимул их веры – это валюта, которая выплачивается им регулярно. Это настолько известный факт, что они его даже и не скрывают” (Рустам Калиев).

Таким образом, мир чеченских религиозных верований и институтов, не успев возродиться в период постсоветской либерализации, оказался разорван войной и внешним воздействием.

Этот разрыв прошел через сознание и эмоции людей и отразился в сильнейшем конфликте поколений, в несостоятельной практике общественного управления, в оправдании насилия и терроризма. Если в довоенное время разделение чеченцев по религиозному вопросу было на уровне атеистических лекций в сельских клубах и в вузовских аудиториях, а также в форме скрытого недовольства отцов по поводу атеизма их сынов, то война принесла жестокий раскол. Лидера тарикатного ислама Адизова сторонники “чистого ислама” обыденно застрелили в собственном доме без какой-либо реакции со стороны властей и рядовых чеченцев. В Чечне известно много случаев, когда семьи изгоняли из дома молодых людей – “носителей вируса ваххабизма”, если уже не помогали никакие увещевания. Был даже случай в селе Алдых, когда отец застрелил сына за то, что тот не только сам не отошел от ваххабизма, но и начал терроризировать свою мать, пытаясь навязать ей “чистую религию”. Односельчане дружно поддерживали отца, который сказал членам общины следующее: “Мой сын умер в день, когда связался с этим отродьем. Он был уже жестокий и опасный для всех чужой человек”.

Современные простые чеченцы пребывают в смятении и в отчаянии, которые закрывают путь для креативного действия и рационального выбора. Они позволяют осуществиться любому из вариантов, который может навязать вооруженная и эмоционально более мобилизованная общественная группа. Люди согласны на все, “лишь бы было лучше”, но они не готовы обсуждать предлагаемые или возможные сценарии, а тем более сами искать путь для достижения, по их мнению, наилучшего или согласованного выхода из создавшегося положения. Кстати, одним из них, по крайней мере до осени 1999 г., мог быть не только радикальный ваххабизм, аналогичный течению талибан, но и отторжение религии вообще. Прислушаемся еще к двум голосам.

“Ваххабизм – это тоже игра, это политический спектакль... У ваххабистов есть и хорошие черты – сплоченность, прежде всего уважение друг к другу и у них есть деньги. Люди уже говорят, пусть даже они придут. Может, хоть тогда жизнь наладится, дети будут учиться. Мы бы хотели средний достаток в среднем 100 долларов в месяц на семью на самое необходимое. Это уже превратилось в мечту. О роскоши мечтать не приходится. О себе даже не думаешь, никакого самообразования, мы все оуптели. У нас регресс, народ откинут на 50 лет. Сложно сказать, чем все закончится” (Хава).*

* Замечание чеченского кросс-рецензента: «Это единичное мнение, у которого весьма мизерное число сторонников. Мне гораздо чаще встречались люди, которые утверждали: “Лучше русификация общества, чем арабизация с компонентами ваххабизма”. Разумеется, даже за деньги ваххабиты не могут получить массовой поддержки в Чечне. Исповедуемые ваххабитами идеи, их правила жизни просто неприемлемы для чеченцев. Это невозможно привить» (Джабраил Гакаев).

*“Теперь вот о религии. Я ее всю жизнь уважал и как человек небезгрешный, считал, что я еще не достоин по-настоящему начать служить Богу. А теперь, как посмотрю, что сотворили эти сволочи из религии, я думаю, нет, я не умножу ряды этих сатанистов. Они уже отвадили или отваживают от религии многих и многих**”. Отнимают то святое и чистое, что оставалось еще у народа” (Иса М.).*

Здесь, на мой взгляд, отражено именно то самое состояние аномии и демодерна, когда основная масса общества не в силах влиять на правящую вооруженную секту даже в вопросах веры, а сами правители не могли договориться, поэтому и пользовались религией как одним из инструментов властного управления и внутригрупповой борьбы. Так, например, в 1998 г. в Чечне было заметно напряжение в городах и в селах. Многие открыто высказывали мнение о необходимости ликвидировать ваххабитов на территории Чеченской республики. Население не хотело больше мириться с их агрессивностью. Правительство Масхадова тогда сделало попытку выдворить ваххабитов из Чечни. Правительственный отряд С. Ямадаева нанес удар по ним в Гудермесе. Некоторые ваххабистские группы были разгромлены. Однако от полного уничтожения их в значительной степени спасла поддержка масхадовского вице-президента Вахи Арсанова.

Новая активность ваххабитов проявилась после ухода Шамиля Басаева в оппозицию Аслану Масхадову. Басаев сделал ставку на ваххабитов, чтобы подготовить и осуществить новые вооруженные акции по распространению сепаратизма на Северном Кавказе. К оплоту ваххабизма – Урус-Мартановскому району добавился горный Веденский район, где началась идеологическая и военная подготовка молодежи из Чечни и Дагестана. Не все однозначно и в шариатском государстве, которое провозгласил президент Масхадов в начале 1999 г. По поводу этой формы правления прозвучали одобрительные комментарии чеченских отставных политиков-экспертов, которые регулярно выступали на российском телеканале НТВ. В то же время ни один из московских чеченцев, кого я лично знаю, не был готов прожить и одного дня по шариатским правилам. Да и в самой Чечне уже на следующий день после объявления шариатского правления родился короткий анекдот: “Как узнать чеченца? Чеченец – это тот, кто ходит без руки”. Юмор заключается в том, что вводимый шариатский закон предполагает отрубание руки за воровство.

“А что ты думаешь о религии?”, – спросил я Ахьяда. На что услышал, может быть, самый поразительный ответ:

«Моя вера простая. Надо пять раз руки мыть и ноги тоже, чтобы быть всегда чистым. Говорят Шамиля какой-то русский генерал спросил, за что он воюет, а он позвал своего воина и приказал снять сапог. У че-

** Тот же рецензент: “Это самое распространенное мнение в сегодняшней Чечне”.

ченца ноги были чистые и ногти все подстрижены. “А теперь давай твоего”. А у того портянки черные и ноги все гнилые и пахнут. Вот теперь понятно, за что мы воюем? И сейчас у русских солдат по три дня руки были немые».

Говорил это Ахъяд, аккуратно вытирая полотенцем журнальный стол от остатков еды. В гостиничный номер, где состоялась первая с ним беседа, принесли выстиранную и поглаженную рубашку. На наши встречи он всегда приходил аккуратно одетым и в начищенных ботинках. “Зачем вы такси брали от метро? Здесь всего 300 метров”, – спросил я. “Сегодня на улице плохо, и нам обувь не позволяет”, – ответил Ахъяд.

Новый цикл насилия в Чечне с конца лета 1999 г. и появившиеся в этот период публикации на тему о ней заставили меня задуматься над более фундаментальными вопросами: что есть религиозный фактор в жизни постсоветских этнических общностей и государств и что есть религия в конфликте? Я не сторонник цивилизационной объяснительной схемы, ибо считаю ее столь же пустой и идеологизированной, как и концепт исторических общественно-экономических формаций. Однако на уровне культурно-ценностно-ориентаций (кстати, исторически очень подвижных, чего не признает цивилизационный подход) мой взгляд на чеченцев расходится с рецидивом колониальной этнографии, которая создала из чеченцев образ носителей исламской цивилизации в симбиозе с архаическими структурами военной демократии.

Равно как и другие народы бывшего СССР и Российской империи, чеченцы представляют собой европейский народ по своим базовым ценностям, ориентациям и образованию. Как и у других европейских народов роль религии в их жизни и культуре является сниженной, более того, как и для большинства бывших советских людей – фактически минимальной.

Конфликт и война усилили роль религиозного фактора во всех его проявлениях (от бытового до политико-государственного и даже международного), но никак не сделали чеченцев “мусульманским народом”, представителями некой исламской или восточной, а тем более мифической “кавказской” цивилизации.

Ниже приводится диалог двух чеченских интеллектуалов, состоявшийся летом 1999 г. в Шатое:

– Ну, вот смотри, наш возраст, наше поколение, мы воспитывались, сформировались в годы советской власти уже после депортации. Я считаю, наше поколение было самое образованное из всех поколений чеченцев. Это был пик. Наша деятельность, наша учеба приходилась на 60-80-е годы. И нас было много в количественном отношении. Как мне кажется, мы не уступали старшему поколению: скажем, тем же Хасбулатовым, Яндаровым, Алироевым. По-моему, в интеллектуальном отношении мы не отставали.

– На мой взгляд, действительно не отставали. Мы же вместе работали, сталкивались по всем этим вопросам.

В разрушенной православной церкви Грозного (Фото Варникиса)

– Я считаю, что полученное нами образование хорошее. Но вот сегодня традиционному образованию, которое мы получили, навязывается альтернатива. Эта альтернатива связана с какими-то восточными образовательными и культурными ценностями, с арабо-мусульманскими ценностями. Что нам лучше? Все-таки я считаю, что чеченцы и вообще кавказцы – другая цивилизация, чем арабо-бедуинская или западная цивилизация.

– Что ни говори, на сегодня – это так. У нас по радио и музыка русская и иностранная, и песни, и рассказы, да и одежда – европейские. На мой взгляд, даже мышление направлено на Европу. Принудительное насаждение ислама, традиции ислама, в смысле формы одежды, обучения, нам не подходит по духу, по своим обычаям.

– То есть наша этническая культура все-таки отличается; она другая, чем арабская культура.

– Собственно, чем даже восточная.

– Ну вот сегодня наши духовные фигуры требуют, чтобы женщина одевалась как мусульманка. В шариате действительно есть норма, какую одежду должна носить женщина. Предлагают теперь всем женщинам такую одежду надевать. А наши женщины этого не делают. Это что, такой протест что ли? Как это понять?

– Года два-три тому назад часто можно было увидеть женщин, укутанных в платки, черные длинные платья. Я что-то их не вижу сейчас. Если вижу, то очень редко. Чем больше давят на форму женской одежды, тем больше ее и отрицают. Ну наденем паранджу, закроем лицо, а кто будет на базаре стоять? Работать нашим мужчинам негде.

Этот диалог мне представляется очень важным для понимания ситуации в Чечне, а самое главное – он не закончен. Возможен любой исход подобного “столкновения цивилизаций”, но в любом случае он есть больше внутренний выбор и воленавязывание верхушечных элементов. Эти предписания могут опуститься на низовой уровень, но тогда они обретут свое собственное содержание и свой новый смысл, отличный от этнографических и мифомедийных трактовок. Скорее всего в духовно-религиозном плане Чечня вернется к симбиозу традиционной светскости и более открытого отправления гуманистического ислама, как это уже происходит в других российских республиках, например, в Татарстане или Башкирии. Большой узурпации в отношении собственного общества чеченцы не позволят, особенно если перестанут видеть перед собой дуло автомата и намеренные денежные подачки за служение “истинной вере”. Не закрылись двери в Чечне и для русской православной церкви, которая больше всего пострадала в чеченском конфликте.

¹ См.: Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 125–150.

² См.: Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999. № 127.

³ См.: Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения: (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е гг. XIX в.). Алма-Ата, 1975; Bennigsen A., Wimbush E. Mystics and Commissars, Sufism in the Soviet Union. L., 1985; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. L., 1994; M.-B. Broxup, ed. The North Caucasus Barrier: the Russian Advance Towards The Muslim World. L., 1992.

⁴ Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение. Грозный, 1994. Подробнее о Чечне в период революции 1917 г. и гражданской войны см.: Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М., 1997. С. 51–76.

⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 108.

⁶ Боков Х. “Добро и зло обычая” // Наука и религия, 1976, № 8. С. 5.

⁷ Проблемы интернациональной обрядности, обычаев и традиций в национальных отношениях развитого социализма // Коммунист. 1980. № 3.

⁸ О религии и церкви в СССР см.: Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 2000.

⁹ Об адатах среди чеченцев см.: Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973.

¹⁰ Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 99.